

9
В 232 САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

На правах рукописи

ВАШКАУ НИНА ЭМИЛЬЕВНА

**ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ:
ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЫ И ОБРАЗОВАНИЯ
1764 – 1941 гг.**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

САРАТОВ - 1998

Работа выполнена на кафедре отечественной истории новейшего
времени Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

Научный консультант:

доктор исторических наук,
профессор *Голуб Ю.Г.*

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
доктор исторических наук, профессор
доктор исторических наук, профессор

Е.И. Дружинина
В.Г. Чеботарева
А.И. Борозняк

Ведущее научное учреждение: Воронежский государственный
университет

Защита состоится 26 декабря 1998 г. в 10 час.
на заседании диссертационного совета Д.063.74.03. по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в
Саратовском государственном университете по адресу: 410000,
Саратов, ул. Радищева, 41, ауд.18.

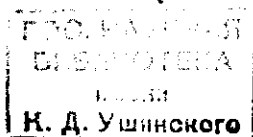
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Саратовского государственного университета

Автореферат разслан 23 ноября 1998 г.

Ученый секретарь диссертационного
доктор исторических наук, профессор

ССХ

[подпись] В.Н. Да

98-04213

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Процесс переосмысления прошлого России в исторической науке, начавшийся в конце 80-х годов, позволяет по-новому поставить вопросы, которые долгое время находились под воздействием политической конъюнктуры. Политичность Российского государства, являясь константой его истории, предполагает изучение любого исторического процесса с учетом взаимоотношений частей и целого. В то же время культура каждого народа представляет собой самостоятельный пласт его жизни, который ложится в основание устойчивости народа, его менталитета.

Исследование вопросов культуры любого народа является крайне сложным, и о сложности такого рода исследований говорит тот факт, что в культурологической литературе насчитывается до шестисот определений этого понятия. Поскольку содержание данного термина является предметом специального исследования, постольку мы остановимся на определении культуры, получающем в настоящее время все большее признание. Культура рассматривается как внебиологический, специфически человеческий способ деятельности¹. Действительно, не данный от природы, но благоприобретенный способ человеческой деятельности равен по объему результатам этой деятельности. Сравнивая между собой способы деятельности в разные исторические эпохи, в разных сферах, мы используем рациональный момент, содержащийся в оценочном подходе к культуре.

Важнейшей сферой человеческой культуры является культура духовная. В свою очередь, основой духовной культуры любого общества является образование. Недаром в немецкой философии прошлого века смысл слова "культура" был максимально приближен к другому слову "образование" (Bildung). В XIX веке, как отмечал Х.-Г. Гадамер, образование было теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном итоге специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей². Наиболее общепринятыми на сегодняшний день является деление культуры на духовную и материальную, что, на наш взгляд, представляется не отвечающим действительному смыслу содержания этого понятия. Ибо в основе этого деления лежит описательный (эмпирический) подход, в то время как духовное и материальное в культуре взаимопроникают друг в друга.

Образование является важнейшим инструментом, который помогает сохранять свою культуру и передать ее последующим поколениям, так как народ или нация в основе своей традиционны, эволюционны по способу развития, самоограничительны по своим целям и методам. Члены социально-культурной общности поддерживают друг друга, стремятся быть конкурентноспособными относительно "других".

Роль образования в национальной культуре в редакции журнала "Вопросы философии"²- был посвящен "круглый стол", где было подчеркнуто, что "школа - один из главных институтов национальной культуры, основной способ приоб-

¹ См. напр.: Крапивенский С.Э. Общий курс философии. Волгоград, 1998. С.452.

² См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1998. С.51.

щения к ней¹.

К сожалению, исследования по истории отдельных народов России до последнего времени ограничивались рамками экономических и политических отношений, а вопросы культуры в России рассматривались как второстепенные, не говоря о культурных взаимоотношениях и взаимовлиянии между титульной нацией и национальным меньшинством. Культура не предстает в этих исследованиях ни как система, ни как одна из детерминант общественного развития.

С этой точки зрения актуальной является проблема изучения всех сфер духовной культуры российских немцев, расширения рамок представлений о них как части этноса, силой судьбы вырванного из привычной социально-культурной системы и помещенного в инонациональное, инорелигиозное и инокультурное пространство. С течением времени связь их с окружающим населением становилась все более тесной и взаимообогащающей. Причем, российских немцев нельзя рассматривать как единое целое, как неделимую национальную общность, так как каждая из конкретных территориальных групп имела свою предысторию в Германии, свои особенности жизни и экономики, а также свои особенности в отношении языка и обычаев². Я. Дитц имел все основания написать перед Первой мировой войной, что немецкий колонист Поволжья не являет собой тип германской нации, это совершенно новый народ³.

Повышенный интерес к истории российских немцев связан во-первых, с неизученностью темы, во-вторых, с ростом источниковой базы, в-третьих, с обострением национального вопроса в стране, ибо распад СССР наглядно показал, что страна накапливала внутреннее недовольство, которое вылилось в движения за независимость и национальную самостоятельность. Среди немецкого населения начались процессы консолидации под лозунгом национального возрождения и восстановления автономии. В то же время история и судьба немецкого народа в России оставались практически неизвестными не только народам, живущим рядом с ними, но и молодому поколению немцев.

Актуальность исследования заключается и в том, что анализ процесса развития и сохранения духовной культуры немцев Поволжья и, как неотъемлемой части - развития образования - поможет не только лучше понять историческое прошлое России. Изучение истории немецкой национальной школы как фундамента сохранения языка, религии и духовной общности немцев в России помогает пониманию сложного и противоречивого процесса взаимодействия культур народов, населяющих Поволжье.

Степень разработанности проблемы.

Проблемы духовной жизни немцев Поволжья, в том числе и национальной немецкой школы, нашли отражение в отечественной и зарубежной литературе, преимущественно немецкоязычной. В отечественной историографии представляется, на наш взгляд, в изучении проблемы национальной немецкой школы в Поволжье исторически и методологически оправданно выделить три этапа.

Хронологические рамки первого охватывают 70-е годы XIX века до 1918 г. Это время накопления источниковой базы, появление первых, порой, дискуссии-

¹ Межуев В.М. Культура, культурология и образование (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 1997. № 2. С.9-10.

² Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996. С.12.

³ Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С.377.

онных работ.

Второй период (с 1918 г. до конца 80-х годов XX века) - время становления и господства официальной партийной историографии.

Точкой отсчета третьего периода (с 1988 г. по настоящее время) служат кардинальные изменения в стране, инициированные попыткой внутрисистемной реформации, известной как политика "перестройки и гласности". С этого момента исследование проблемы переходит на качественно новый уровень.

Литература первого периода носила локальный характер. Ее источниковой базой служили в основном, официальные документы и личные наблюдения авторов - путешественников, государственных чиновников, священнослужителей, а не профессиональных историков. Авторы собрали богатый материал об экономической деятельности колоний, сделали зарисовки внутренней жизни, быта без обобщений и выявления причинно-следственных связей, представили статистические сведения о церковных приходах, школах в целом по России и в отдельных местах компактного проживания немцев¹.

Первые статьи непосредственно посвященные состоянию образования в немецких колониях опубликовал А.Клаус в журнале "Вестник Европы"², включив их затем отдельной главой в книгу "Наши колонии". Это достаточно серьезное исследование стало отправной точкой для историографии. С Клаусом полемизировали, соглашаясь или опровергая его, авторы последующих публикаций в XIX веке. Глава "Духовенство и школы" была посвящена роли и месту духовенства в поволжских колониях в организации школьного образования, отношениям между общиной и пасторами. Нужно отдать должное автору, что он указывал на необходимость овладения русским языком как "единственным средством для вполне правомерного вступления их (немцев - Н.В.) в политико-социальный строй русского общества"³, отнюдь не связывая это с русификацией.

С 1870 г. стала возрастать напряженность между Германией и Россией, что в определенной мере усилило издавна ведшиеся споры между славянофилами и западниками. Западники ориентировались на западно-европейскую традицию, в то время как славянофилы отстаивали тезис о собственном пути развития России, который не предусматривал усвоения опыта и культурных ценностей Запада, в том числе Германии. Неудивительно, что в печати появилось много статей с обоснованием тезиса о мирном завоевании немцами России⁴, для кото-

¹ См.: Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschafte des Russischen Reich in den 1793 und 1794. Leipzig, 1799; Busch G.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Rußland. St.Petersburg.-Leipzig, 1867; Dsirne J. Zur Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. // Die deutschen Ansiedlung in Rußland. Ihre Geschichte und ihre volkswirtschaftliche Bedeutung für die Vergangenheit und Zukunft. Studien über das russische Kolonisationswesen und über die Herbeiziehung fremder Kulturkräfte nach Rußland von F. Matthäi. Gera. 1866. S.124-153; Dalton H. Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Rußland. Gotha, 1887.

² См.: Клаус А. Духовенство и школы в наших немецких колониях // Вестник Европы. 1869. № 1, 5. // Вестник Европы. 1869. № 1, 5; его же: Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. СПб., 1869.

³ Клаус А. Духовенство и школы в наших немецких колониях. С.260.

⁴ Великий А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893; Евреинков Г.А. Российские

рых были характерны тенденциозность и необъективность, неприятие немецкого влияния на многие стороны жизни России. В 1897 г. в обсуждение проблем немецкой школы вступил журнал "Русский вестник", в трех номерах которого была опубликована статья¹, основная идея которой - показать противодействие духовенства мероприятиям по улучшению школьного дела из опасения потерять духовный контроль над паствой.

Особенностью первого этапа историографии стало появление целого ряда работ на немецком языке, принадлежащих пасторам поволжских колоний, которые создавали истории отдельных колоний на основе правительственных документов, собственных наблюдений, используя церковные хроники, воспоминания первых поселенцев².

Подводя итог историографии первого периода, следует отметить, что основным камнем преткновения среди всех исследователей, писавших о школе, было их отношение к деятельности властей и духовенства. Проповедники оправдывали духовенство, обвиняя власти, особенно контору иностранных поселенцев. Светские исследователи, наоборот, винили клир в упадке образования. В том, что школьное образование было неудовлетворительным, никто не сомневался, сближало позиции всех также признание положительной роли самих колонистов в деле подъема народного образования в колониях. Осмысление положения школы на фоне политики правительства по отношению к крестьянским массам они не предпринимали.

Таким образом первые работы являлись разными по идейной направленности, авторы учитывали мнение друг друга, присутствовала полемика, пусть даже без приведения достаточного количества архивного материала для аргументации различных взглядов. Представленные работы содержат ценные замечания о взаимоотношениях между колонистами и окружающим населением. Авторы видели причины обособленности колонистов в религиозном и этническом факторе, выдвигали концепцию развития социально-экономической жизни колонистов под решающим воздействием российских традиций, упоминали о совместной работе в земских органах, характеризовали отношения между немецкими поселенцами и окружающим народом как дружественные или нейтральные.

Немецкая школа была очень выгодным и удобным объектом для критики, поскольку ее консерватизм и низкий уровень обучения (причины в этих статьях не раскрываются), позволяли именно в ней видеть "оплот германизма". Тем самым авторы освобождали себя от необходимости ответить честно на прямой вопрос: почему и кто виноват в том, что немецкое землевладение (особенно на юге) увеличивалось, а русский крестьянин разорялся? Отдельные голоса аналитиков тонули в хоре политиков и публицистов, создававших образ врага из на-

немцев. Пг., 1915; Богдановский А.Е. Что такое борьба с немецким засильем. Пг., 1917; Сергеев И.И. Мирное завоевание России немцами. Пг., 1917.

¹ Спасский Н.А. (Русский) О народном образовании в немецких поселениях Поволжья // Русский вестник, 1897. №8-10.

² См.: Erbes J. Deutsche Volksschule in unseren Wolgakolonien. Saratov, 1906; Büttner H. Die deutschen Kolonien der Wolgabergseite // Deutsche Monatschrift für Rußland. Reval. 15 (28) Januar. 1912. № 1. S. 53-63; № 2. S.153-157. Bauer G. Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga seit ihrer Einwanderung nach Rußland bis zur Einführung der allgemeinen Vehrpflicht (1766-1874). Saratow, 1908; Beratz G. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung. 1764-1914. Saratov, 1915.

ционального меньшинства¹.

Несколько общих работ по истории поволжских колоний было издано в Германии сразу после революции 1917 г., когда часть пасторов и учителей из Поволжья эмигрировала. Это прежде всего работы Г. Бонвеча и И. Шлейнинга². Оба автора в самых общих чертах упоминали о церковно-приходских школах. Бонвеч был первым, кто обвинил самих колонистов в неудовлетворительном состоянии школы³. Он более подробно осветил важнейшую роль духовенства в распространении образования в колониях, в частности, высоко оценил меры, предпринятые главой Саратовской консистории И. Фесслером в 1820-е годы⁴. Оба автора писали по следам событий в колониях в 1917-1918 гг., их оценка носила во многом личный характер и была продиктована искренней болью пасторов за разрушение традиционного уклада духовной жизни немцев Волги.

1918 г. подвел черту под историческими изысканиями поволжских авторов и обозначил новый этап развития историографии. В последние годы мы наблюдаем критическое отношение к исторической науке советского периода. И это объяснимо, поскольку факты нередко загонялись в прокрустово ложе политической схемы. Но нельзя отрицать и некоторые частные достижения советской историографии. После образования Немечкой автономной области, а затем республики, партийное руководство поставило задачу создать новую историю немецких колоний для политического просвещения масс немецкого крестьянства. Появились глубоко идеологизированные работы Э. Гросса, Б. Бартельса, И. Шауфлера⁵. Но одновременно в местной печати были опубликованы статьи, в которых была предпринята попытка проанализировать первоначальные страницы заселения колоний, увидели свет воспоминания, в том числе о школе XIX века⁶. Отдельно следует выделить работу Д. Шмидта, в которой он, в частности, излагал полемику между учителями и пасторами, нашедшую отражение в газетах периода 1905-1907 гг.⁷

Отметим также публикацию в 1927-1929 гг. первых указателей Ф. Шиллера и Р. Губергрица⁸, в которых была систематизирована литература по истории не-

¹ См.: Чеботарева В. Г. "Немецкий вопрос" в исторической литературе России (конец XIX-начало XX века) // Немецкий российский этнос: веки истории. М., 1994. С. 25.

² Schleuning J. Die Deutschen Kolonien im Wolgagebiet. Stuttgart, 1919; Ders. Aus tieffter Not. Schicksale der deutschen Kolonisten in Rußland. Zweite Auflage. Berlin, 1922; Die deutschen Siedlungsgebiete in Rußland. Würzburg/Main, Bonwetsch G. Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. Stuttgart, 1919.

³ См.: Bonwetsch G. Geschichte der deutschen Kolonien... S. 75.

⁴ Ibid. P. 79.

⁵ См.: Гросс Э. Автономная Советская социалистическая республика немцев Поволжья. Покровск, 1926; Bartels B. Die Deutschen Bauern in Rußland. M., 1928; Schaufler J. Die Wolgadeutsche Schule einst und jetzt. Engels, 1933.

⁶ См.: Fischer G. Erinnerungen aus meiner Schulzeit // Unsere Wirtschaft, 1925. № 16; Erbes J. Eine Schulfrage der ersten Einwanderer an Wolga // Wolgadeutsches Schulblatt, 1929. № 2; Schmal P. Beiträge zur Geschichte der Volksbildung in der Wolgakolonien // Wolgadeutsches Schulblatt. 1929. № 7/8.

⁷ См.: Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. I Teil. Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkrieg. Pskrowsk - Moskau - Charkow. 1930.

⁸ См.: Schiller F. P. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764-1926. Pskrowsk, Nemgosisdat, 1927; Губергриц Р. Систематический указатель литературы о Немреспублике. 1917-1928 // Сб. статей и материалов. Изд.

мецких колоний на Волге. Таким образом, нельзя игнорировать положительный вклад авторов этого периода, который характеризовался введением в оборот нового фактического материала и некоторых элементов обобщений. После публикации работы Шмидта наступила длительная пауза, поскольку в республике немцев Поволжья развернулась кампания по борьбе с национализмом и многие точки зрения на историю немцев были пересмотрены, а авторы книг арестованы.

В последующие десятилетия истории немцев в России не было посвящено ни одного исследования. В историографии народного образования, истории школы в 50-е-60-е годы отсутствовало даже упоминание о немецкой школе¹.

После длительного перерыва к этой теме обратилась Е.И.Дружинина, в ее работах были заложены основы комплексного исследования проблемы экономических связей между немецкими поселенцами и окружающим населением (русскими, украинскими, молдавскими крестьянами) на юге Украины². Исследования экономического развития колоний юга России продолжил Л.В.Малиновский³.

Таким образом, на рассматриваемом историографическом этапе в исторической науке господствовали идеологические установки правящей партии. Публикации 1930-х годов носили откровенно пропагандистский характер и имели целью популяризацию истории немецкой автономии как примера решения национального вопроса для международного сообщества, что впрочем не помогло завуалировать проблемы внутреннего развития страны и было постоянным объектом критики на страницах германской прессы и в работах германских историков⁴.

Новый третий этап историографии берет начало с конца 80-х годов XX века, когда в связи с открытием центральных и региональных архивов, появилась возможность исследовать многие закрытые темы. Сначала на страницах газеты "Neues Leben", затем в докладах на региональных конференциях стали подниматься отдельные проблемы истории российских немцев, в том числе истории

Госплана АССР Немцев Поволжья. Покровск, 1929. С. 472-529.

¹ Народное образование, наука и культура в СССР. Сб. статей. М., 1971; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917-1941 гг. М., 1980; Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. М., 1985; Советская культура в реконструктивный период. 1928 - 1941. М., 1988 и др.

² Дружинина Е.И. Судьбы крупнейшего государственного предприятия Новороссии// Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.96-103; ее же: Южная Украина в 1800-1825 гг. М., 1978; ее же: Южная Украина в период кризиса феодализма 1825-1860 гг. М., 1981.

³ Малиновский Л.В. Экономическое и социальное развитие колониальной деревни в Южной России в первой половине XIX в. // Исторические записки. Т.109. М., 1983. С.177-202; его же: Социально-экономическая жизнь немецкой деревни в южной России (1762-1917 гг. Дисс... докт. ист. наук. Л., 1986.

⁴ См.: Das Schicksal der deutschen Kirchenschulen in Sowjetrußland //Der Auslandsdeutsche, 1928. №10. S.310-311; König L. Die Deutschtumsinsel an der Wolga. Ein Beitrag zur länderkundlichen Darstellung der deutschen Wolgakolonien und der natürlichen Grundlagen ihrer Wirtschaft. Westfalen. 1938. См. также критику печатных изданий Германии в статье: Вашкау Н.Э. Организации и печать поволжских немцев в эмиграции. 1918-1933 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев. Исторический аспект. Материалы международной научной конференции. М., 1998. С.241-251.

их культуры.

В середине 90-х годов сформировались региональные центры по изучению истории немецкого этноса в России. Вышло несколько монографий по регионам Волги, Сибири. Это работы А.А. Германа, Л.В. Малиновского, Л.П. Белковец¹.

В Саратове сложилась школа исследователей, глубоко занимающихся проблемами изучения истории и культуры немцев Поволжья. Работа шла по двум направлениям. В рамках первого были подготовлены монографии и докторская диссертация А.А.Германом², посвященные становлению и развитию Немецкой автономии на Волге в 1918-1941 гг. На обширном не публиковавшемся ранее материале, автор воссоздал достаточно полную картину становления и развития немецкой национально-территориальной автономии. В числе других вопросов характеризовалось состояние народного образования в автономной республике в годы советской власти, становление национальных кадров. Эти сюжеты не излагались изолированно, а органично вытекали из общих характеристик экономического и политического развития республики. А.А. Герман не ставил целью подробно осветить развитие народного образования в немецкой автономии на Волге, некоторые сюжеты только обозначены, такие как состояние антирелигиозной работы с населением и в школе, культурные связи с Германией, создание и функционирование творческих союзов.

Второе направление вылилось в подготовку сборников статей, обобщающих первые научные поиски исследователей³. Отдельным проблемам истории культуры немцев Поволжья посвятила свои публикации Е.М. Ерина. Основанные на неопубликованном архивном материале, они показывали становление педагогического института, Немецкого драматического театра. Автор восстановила биографии известных диалектологов Г.Г.Дингеса и А.П.Дульзона⁴.

Фрагменты из истории народного образования в колониях Поволжья в XIX веке нашли отражение в ряде докладов на международных конференциях, проводимых в содружестве с немецкими учеными Института германских и восточноевропейских исследований (Геттинген) (руководитель А.Айсфельд) и учеными России, Казахстана, Украины. Опубликованные материалы демонстрируют разноплановость исследований, широкое привлечение архивного материала из центральных и, что особенно важно, региональных архивов⁵. Среди них необ-

¹ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Саратов. Ч. I. 1992. Ч. II. 1994; Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995; сго же. История немцев в России. Барнаул, 1996; Белковец Л.П. "Большой террор" и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х-1920-е годы). М., 1995.

² См.: Герман А.А. Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918-1941 гг.): Дис. д-ра ист. наук. Саратов, 1995.

³ См.: Культура русских и немцев в Поволжском регионе. Вып. 1. История, теория, культура. Саратов, 1993; Культура и самосознание русских и немцев в Поволжье. Вып. II. Саратов, 1994; История и культура российских немцев. Вып. III. Ч. I. II. Саратов, 1996.

⁴ Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995; Ерина Е.М. Штукерт А.Н. Средние специальные педагогические учебные заведения немецкой автономии на Волге //Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып.5. Немцы в Саратовском Поволжье. Саратов, 1997. С.74-85.

⁵ См.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22-26 сентября 1994. М., 1995; Российские немцы. Пробле-

ходимо отметить доклады Е.В.Русских и С.Г.Весниной¹, а также автора настоящей диссертации². Опираясь на архивный материал, Е.В. Русских попытались показать причины распространения русского языка в немецких колониях Поволжья до периода реформ XIX века, С.Г. Веснина - роль частного образования в колониях. Не со всеми выводами Е. В. Русских можно согласиться. Так, утверждение о том, что центральные училища не оправдали связанных с ними надежд по подготовке учителей русского языка, нуждается в дополнительном исследовании, так как автор рассмотрела проблему в узких хронологических рамках. Спорна оценка роли духовенства в этом процессе³. Вызывает возражение также тезис о русификации центральных русских училищ после 1895 г., не подкрепленный фактами⁴.

В целом оценивая данный этап историографии, необходимо подчеркнуть, что исследователи осветили отдельные проблемы истории народного образования немцев Поволжья (становление частного образования, изучение русского языка в центральных училищах, состояние народного образования в автономной республике на Волге, подготовка кадров для начальной и средней школы, ввели в научный оборот новые документы. В то же время фундаментальные исследования, охватывающие все этапы существования и развития немецкого национального образования на Волге, отсутствуют.

Рассматриваемые сюжеты нашли свое отражение и в зарубежной историографии. Специально проблемам народного образования посвящено исследование М. Вольтнер⁵, в котором она рассматривала школьную политику в России и параллельно показывала положение немецкой школы на Волге, но книга заканчивается 1840 г. и основана на материалах Полного собрания законов и уже упомянутых работах А. Клауса, Г. Бератца, Г. Бауэра и других известных авторов.

Интерес к данной проблематике проявил французский историк Ж.-Ж. Бурре. Его книга посвящена немцам Поволжья и охватывает большой период от начала поселения до депортации немцев в 1941 г.⁶ Но недостаточный круг источников заставил Бурре расширить географические рамки исследования. В

мы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сентября 1995. М., 1996; Российские немцы. Историография и источниковедение: Материалы международной научной конференции. Анапа, 4-9 сентября 1996. М., 1997.

¹ См.: Русских Е.В. Распространение русского языка в немецких колониях на Волге до 70-х годов XIX в. //Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. С.313-318; Веснина С.Г. Частные товарищеские русско-немецкие училища в немецких колониях Поволжья // Там же. С.323-328; Русских Е.В. Центральные русские училища в немецких колониях на Волге (с момента создания и до конца XIX в. // Российские немцы. Проблемы истории, языка... С.299-304; Веснина С.Г. Частные школы в системе образования немцев Поволжья// Там же. С.305-311.

² См.: Вацкау Н.Э. Немецкая национальная школа в Поволжье в 20-30-е гг. XX в. // Немецкие школы на Дону, Кавказе и Волге. С.329-335.

³Русских Е.В. Распространение русского языка...С.317-318.

⁴Русских Е.В. Центральные русские училища в немецких колониях на Волге...// Российские немцы. Проблемы истории, языка... С.303.

⁵ Woltner M. Das Wolgadeutsche Bildungswesen und die russische Schulpolitik. Von der Begründung der Wolgakolonien bis zur Einführung es gesetzlichen Schulzwang. Leipzig, 1937.

⁶ Bourret J.F. Les Allemands de Volga. Histoire culturelle d , une minorite, 1763-1941. Lion: Press uniw de Lion. Paris: Ed. du CNRS. 1986.

результате в монографии много внимания уделено второстепенным сюжетам: общей хозяйственной характеристике колоний в целом, экономической связи поволжских колоний с другими регионами, кратко охарактеризованы немецкоязычные печатные издания в Российской империи, что придало книге характер справочного издания¹. Не все разделы представлены с необходимой полнотой.

Непосредственно система образования рассматривается в третьей главе, в которой автор подробно характеризовал немецкие школы Петербурга и Москвы и меньше внимания уделил состоянию церковно-приходских школ непосредственно в волжских колониях. Много сюжетов выходят за рамки темы, как, например, подробное изложение хозяйственной жизни Сарепты, представительство немцев в Думе. В то же время фрагментарно изложены важные проблемы организации центральных русских училищ в Поволжье, деятельность пасторов по распространению и сохранению духовной культуры немецкого народа. Не рассматривались дискуссионные вопросы изучения русского языка. В главе, посвященной школе, период, названный "Эволюция в 1905-1914 гг.," занимает две страницы². Создается впечатление, что Бурре шел от источников, которые имелись в его распоряжении. В первую очередь, он опирался на печать, издававшуюся в автономии - журнал "Unsere wirtschaft", "Wolgadeutsches Schulblatt" Это наглядно видно на примере характеристики образования после революции.

Обращение к публикациям Б.Бартельса, И. Шауфлера приводят автора к описательности процессов. Использование прессы позволило привести много статистических данных, но их анализ практически отсутствует. Да и сама статистика часто приводится из одного источника - статей И. Мюллера, которые сам Бурре критикует за неполноту³. Не со всеми его выводами можно согласиться. Так, говоря о падении уровня образования в немецких школах между 1920-1926 гг., автор объясняет это не последствиями разрушения системы образования в период голода, а намерениями родителей отдавать детей в русские школы⁴.

Отсутствие доступа к архивным документам не позволило Бурре показать проблемы в области образования и по достоинству оценить, в частности, усилия духовенства в XVIII-XIX веках этом направлении, организацию подготовки кадров. Эту тему автор продолжил в статье по вопросам преподавания в немецких школах русского языка⁵. И книга, и статья основаны на опубликованных источниках и исторических исследованиях А. Клауса, Г. Бауэра, М. Вольтер и др. Она интересна не столько фактическим материалом, сколько его интерпретацией.

Общественность ФРГ, когда там оказалась часть российских немцев, познанилась с начавшим выходить с 1950 г. журналом "Volk auf dem Weg" ("Народ в пути") и ежегодником "Heimatbuch" ("Книга родины"). Землячество

¹ Bourret J.F. Les Allemands de Volga. S.212-217.

² Ibid. P.: 203-205.

³ Ibid. P. S.354.

⁴ Ibid. P.S.353-354.

⁵ Bourret J. F. Der Russisch-Unterricht im wolgadeutschen Schulwesen bis zum Ersten Weltkrieg // Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart. Baden-Baden. 1990. S. 143-153.

российских немцев в Западной Германии публиковало статьи, в том числе и по истории образования, но они основывались на воспоминаниях и носили субъективный характер¹. История немецких школ в Поволжье не получила в них отражения.

В общих работах по истории немцев в России проблемы школы рассматривались через призму жизни церковной общины (заботы Е. Амбургера², В. Кале³). В этих работах представлены статистические данные о количестве обучающихся детей в колониях, характеризуется отношение священников к школе, приводятся результаты экзаменов, проводимых пасторами при посещении школ. Кратко охарактеризовано положение церкви и усилия пасторов по религиозному воспитанию детей в условиях отделения церкви от государства.

С конца 70-начала 80-х годов тема "Немцы в СССР" стала освещаться новым поколением историков. Появились монографии К.Штумппа, И.Фляйшхауера, М. Бухсвайлера, Б. Пинкуса⁴, которые поднимали острые вопросы взаимоотношений немцев и русских в Российской империи, роли российских немцев во внешней политике Германии в период двух мировых войн. В фундаментальных монографиях авторы рассматривали историю всех групп немцев в Российской империи и СССР, не выделяя специально проблемы развития немцев Поволжья. Эти исследования помогли создать историографический фундамент для продолжения нашего исследования.

Освобождение от прессы "большой политики" способствовало свободному обсуждению и обмену мнениями исследователей. В последние десятилетия историки Германии активно работают в самых разных направлениях - от создания общих трудов по истории немцев в России и СССР до отдельных тематических сборников статей и материалов конференций, объединенных общей проблемой.

Неослабевающий интерес предопределил появление в Германии нескольких крупных региональных центров по изучению истории немцев Восточной Европы и СССР (Геттинген, Кельн, Дюссельдорф, Фрайбург). Это стало возможным

¹ См., напр.: Mauch A. Geschichtliches von den deutschen Zentralschulen in Rußland // Heimatbuch der Ostumsiedler. Stuttgart, Kalender 1954. S. 62-71; Das Schul- und Bildungswesen in der Ud SSR nach der Oktoberrevolution // HB, 1955. S.62-66; Erlebnisse und Geschichten aus der Grünfelder-Volksdeutschen-Mittelschule // HB, 1959. S.83-85; Römmich H. Der Muttersprachliche Unterricht für Deutsche Kinder in der Sowjetunion // HB. 1965. S.26-36; Reiche A. Aus dem Tagebuch eines deutschen Studenten in der UdSSR von 1929/30. HB. 1990/91. S.193-210.

² См.: Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Rußland. Stuttgart, 1961; Ders. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Rußlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert. Wiesbaden, 1968; Ders. Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Rußland. Ausgewählte Aufsätze. Herausgegeben von K. Zernack. Wiesbaden. 1982.

³ Kahle W. Geschichte der evangelisch-lutherische Gemeinde in der Sowjetunion. 1917-1938 ir. Leiden. 1974.

⁴ Stumpp K. Die Russlanddeutschen Zweihundert Jahre unterwegs. Stuttgart, 1981; Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983; Ders. Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch - russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986; Pinkus B. Fleischhauer I. Die Deutschen in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1987; Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkrieges - ein Fall doppelter Loyalität?. Bleicher, 1984; Fleischhauer I. Pinkus B. Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20 Jahrhundert. Osteuropa und der internationale Kommunismus. Bd. 17. Baden -Baden, 1987

в связи с открытием архивов нашей страны и расширившимися историко-культурными связями между странами. Результатом работы германских историков стала публикация ряда крупных монографий А.Айфельда, А.Каппелера, Д.Брандеса, Д.Нейтатца, М.Буш, которые расширяли представление об истории российских немцев. Немцы Поволжья рассматривались в них как одна из частей немецкого этноса в контексте общих проблем, не являясь предметом специального рассмотрения¹. В то же время эти работы интересны тем, что они касались проблем школьного образования в других регионах (черноморские, бессарабские, петербургские немцы), и использование данных исследований помогало автору диссертации проводить сравнительный анализ между системами образования в Поволжье и данных регионах.

Определенным результатом работы научных коллективов стала международная конференция во Фрайбурге (октябрь 1992 г.), по материалам которой вышел сборник статей². В них рассматривались правовое положение, экономическое развитие колоний, демографические изменения по результатам переписи 1897 г. Статьи В.Кале и Г.Штриккера, затрагивающие проблему образования немцев Поволжья, написаны на основе опубликованных источников и литературы, материалы российских архивов немецкими учеными еще не использовались, но сама постановка вопросов, например, в статье Г.Штриккера о школе в католических колониях, о русификации заслуживает внимания³.

С привлечением российских ученых под рук. проф. Д.Брандеса издается серия ежегодников Института по культуре и истории немцев Восточной Европы при университете Дюссельдорфа. Среди широкого круга проблем выделим статью по интересующей нас тематике В.Зюсса⁴, посвященную подготовке учителей во второй половине XIX века в волжских и черноморских колониях. Страницы по истории центральных училищ на Волге основаны на публикациях в поволжских журналах 20-х годов П.Шматя, А.Маттерна, И.Эрбеса и дают самую общую характеристику учебных заведений. Эту линию продолжил в следующем выпуске Д.Брандес, рассмотрев состояние немецких школ после рево-

¹ Einfeld A. Die Deutschen in Rußland und in der Sowjetunion. Eckartschriften. H. 97. Wien, 1986; Hellmann M. (Hrsg.). Tausend Jahre Nachbarschaft. Rußland und die Deutschen. München, 1988; Einfeld A. Die Rußland-Deutschen. Studienberichte; der Stiftung. Ostdeutscher Kulturrat. B. 2. München, 1992; Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1993; Brandes D. Von der Zaren adoptiert. Die Deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien. 1751-1914. München, 1993; Neutatz D. Die "deutsche Frage" im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien: Politik, Wirtschaft, Mentalitäten, und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856-1914). Stuttgart, 199; Busch M. Deutsche in St. Petersburg. 1865-1914. Identität und Integration. Essen. Klartext. 1995.

² См.: Dalmann D., Tuchtenhagen R. (Hrg.). Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga. 1860-1917. Essen, 1994.

³ См.: Stricker G. Die Schulen der Wolgadeutschen in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Ein Versuch: Unter besonderer Berücksichtigung katholischer Anstalten // Zwischen Reform und Revolution. S.244-267; Kahle W. Zum Verhältnis von Kirche und Schule in den deutschen Siedlungen an der Wolga bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Ibid. S.224-243.

⁴ См.: Süß W. Entstehung und Entwicklung verschiedener Typen von Lehrerbildungsanstalten im Wolga- und Schwarzmeergebiet Rußlands // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. 5/1995. Essen, Klartext. S.85-104.

люции на основе критического анализа литературы советского периода. Дореволюционный период им практически не рассматривается и освещён как введение к теме¹.

Тексты немецких ученых в рассматриваемом сборнике органично дополнены публикацией автора данной диссертации, основанной на архивных материалах и посвященных деятельности Камышинского земства в области народного образования².

Анализ зарубежных публикаций, непосредственно посвященных волжскому региону, приводит к выводу, что все работы ограничиваются рассмотрением или отдельного аспекта истории или ограничены узкими хронологическими рамками, или не используют материал из российских архивов, на что в критическом обзоре литературы указал германский историк Д.Нейтатц³.

Таким образом, анализ зарубежной историографии позволяет выделить несколько характерных черт. Одни исследователи стремились выявить сложные процессы становления немецкой школы в рамках государства, которое еще не придавало значения подъему культурного уровня народов, его населявших. Научная ценность других обусловлена привлечением большого круга опубликованных источников, рассмотрением проблемы на фоне общей картины социально-экономической и политической жизни немецких колоний в России. Третья группа носит преимущественно справочный характер и по своему содержанию и кругу источников дублирует другие издания.

Подводя итоги историографическому обзору в целом, можно сделать вывод, что как отечественные, так и зарубежные историки в той или иной степени обращались к обозначенной проблеме. Однако эта литература не исчерпала темы, а создала необходимую историографическую основу для перехода к созданию комплексных исследований, охватывающих различные стороны духовной культуры немцев Поволжья и базирующихся на солидном архивном материале.

Вне рассмотрения остались такие важные вопросы как состояние народного образования немцев Поволжья, отношение к нему духовенства, государства и колонистов, дискуссионная проблема русификации народного образования, роль земства в организации школ и в целом его культурно-просветительская деятельность в немецких колониях; практически не освещались проблемы, связанные с организацией подготовки учителей для колонистских школ в XVIII-XIX вв., только обозначены эти сюжеты для школы советского периода. Не исследован пласт взаимоотношения школы и церкви на всем протяжении рассматриваемого периода. Требуют объективной оценки правительственные документы по введению преподавания русского языка и их практическое выполнение на местах.

Таким образом, на основе анализа российской и зарубежной историографии можно сделать вывод о том, что комплексные исследования только начинают формироваться по отдельным регионам расселения немцев, а специальные тру-

¹ См.: Brandes D. Das wolgadutsche Schulwesen vor und nach der Revolution // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. 6/ 1996. Essen, Klartext. S.99-112.

² Waschkaу N. Das Kamysiner Kreis-Zemstvo und die deutschen Schulen 1864-1917.//Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. 7/1997. Essen, Klartext. S.88-105.

³ Neutatz D. Neuere Publikationen zur Geschichte der Rußlanddeutschen // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. Bd.3. 1994. Heft1. S.181.

ды по истории складывания и развития образования, которые бы базировались на солидном архивном материале, пока отсутствуют.

Цель и задачи исследования

Цель настоящей диссертационной работы: провести объективное комплексное исследование состояния системы образования как неотъемлемой и составной части духовной жизни немцев Поволжья на протяжении всего периода их проживания в этом регионе. При этом автор ставил перед собой следующие задачи:

- проследить становление немецкой национальной школы в Поволжье и ее эволюцию, дать периодизацию развития школы, выделить специфику каждого этапа;
- оценить позицию духовенства по отношению к школе и роль церкви в ее становлении и развитии;
- дать характеристику разным типам школ, оценить мероприятия государственных органов и местной администрации в области национального просвещения; проанализировать роль земских органов в подьеме уровня образования,
- показать место пастора и учителя в колонии, их общественный статус, уровень и качество образования, роль школы в процессе культурного становления этноса;
- выделить этапы введения русского языка и отношение к этому населения, духовенства и органов образования;
- доказать, что школа и церковь являлись основными институтами сохранения немецкой культуры и восприятия культуры окружающих народов;
- показать пути и методы создания национальной системы образования после революции 1917 г. и ее результаты в 30-е годы XX в.
- сопоставить дореволюционный и советский этапы развития немецкой школы.

Хронологические рамки исследования продиктованы временем основания первых колоний и организации церковно-приходских школ и заканчиваются годом выселения немцев Поволжья по Указу 28 августа 1941 г. Длительный временной отрезок позволил лучше проследить эволюцию образования как неотъемлемой части духовной культуры немцев Поволжья, которая менялась постепенно и вбирала в себя результаты социального опыта немецкого этноса.

Географические рамки охватывают район сосредоточения немецких колоний по правому и левому берегам Волги вверх и вниз от Саратова. В настоящее время это части территорий Саратовской, Волгоградской, Самарской областей.

В истории немецкой национальной школы Поволжья можно выделить несколько этапов. Первый охватывает период со времени организации школ в немецких поселениях с 1764 г. до 1840 г., когда сложившаяся практика руководства школы со стороны церкви была закреплена введением всеобщего начального обучения детей колонистов. 1840-1897 гг. - время поисков путей развития школы, когда появляются альтернативные формы образования (частные, земские, министерские школы), в которых обязательным становится изучение русского языка; что отвечало чаяниям колонистов, понимавших ограниченность изолированности и замкнутости жизни колоний. В этот период происходит постепенная трансформация образовательного процесса в связи с интеграцией немцев в экономический и политический строй жизни региона и страны.

Этап 1897-1918 гг. включает процессы, отразившие бурные политические

события, когда школа была вовлечена в антинемецкую кампанию. Политические репрессии и дискриминация в отношении языка и религии, запрет культурно-просветительской деятельности привели к упадку духовной сферы немцев Поволжья и ликвидации немецкой национальной школы.

Этап 1918-1941 гг. может быть разделен на два периода: первый период - до 1929 г. - характеризовался провозглашением классового подхода в содержании образовательного процесса, ломкой позитивного опыта дореволюционных традиций школы. Он был усилен административным отделением школы от церкви, что в сочетании с общей экономической разрухой, голодом привело к резкому снижению грамотности населения.

В период 1929-1941 гг. наблюдался противоречивый характер воздействия культурной революции на народное образование, когда на фоне укрепления экономики, относительной политической стабильности республики, наряду с ликвидацией неграмотности, расширением сети культурно-просветительских учреждений, наблюдалась идеологизация и догматизация школы, борьба с "буржуазным национализмом", что привело к утрате национального характера школы к началу 40-х годов.

Научная новизна диссертации состоит в постановке проблемы, ее изучении как целостного феномена. Впервые в отечественной и зарубежной историографии предпринята попытка комплексного исследования процесса становления и сохранения одной из составляющих духовной культуры - народного образования немцев на территории Поволжья. Также впервые эта проблема рассматривается в указанных хронологических и региональных рамках с привлечением обширного круга источников, которые ранее не вводились в научный оборот.

В работе проанализированы также сюжеты, которые ранее практически не исследовались: подготовка кадров учителей, роль земства в культурно-просветительской деятельности в колониях, введение русского языка в процесс преподавания и отношение к нему населения, состояние народного образования в период голода 20-х годов, антирелигиозная политика государства в отношении школы.

В диссертации детально рассмотрен дискуссионный вопрос о русификации немецкого образования и сформулирован тезис о его неправомерности по отношению к немцам Поволжья. В исследовании показано взаимодействие русской и немецкой культур через включение колонистов в общий строй социально-экономической жизни региона и страны и сделан вывод об объективном характере данного процесса.

Через сравнение двух периодов - дореволюционного и послереволюционного - проанализировано формирование национальной интеллигенции в советское время в условиях идеологизации учебного процесса по вертикали - школа - вуз, и вскрыты негативные последствия классового принципа подготовки кадров для сохранения социально-культурных особенностей немецкого этноса на Волге.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена следующими обстоятельствами:

1. Введением в научный оборот целого ряда новых источников, что способствует преодолению стереотипов политико-конъюнктурного характера, в первую очередь, о благополучном развитии экономики и культуры немцев в По-

волжье, о имманентно высоком уровне образования и экономики республики.

2. Материалы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории немецкого народа, учебных пособий по специальным курсам по истории края, религиоведению, культурологии.

3. Выводы, полученные в результате исследования, в течение семи лет успешно внедряются в учебный процесс, и в качестве специального курса входят в учебный план исторического факультета ВолГУ. На основе спецкурса издано учебное пособие для студентов исторического факультета. Материалы используются в работе немецкого культурного центра "Старая Сарепта" (Волгоград), в спецкурсах по истории краеведения и истории российских немцев, которые читаются на курсах повышения квалификации учителей истории, руководителей районных и областных структур Волгоградской области.

4. Учитывая необходимость в рамках национально-культурной автономии решения проблем немецкого народа, будут возрастать и приобретать более активный и сложный характер отношения государственных, общественных, культурных организаций, а это потребует и большей осведомленности государственных служащих, руководителей отделов народного образования, церковных служителей, чему могут служить материалы данного исследования.

Методологической основой диссертации являются принципы и методы научного познания. Основополагающими принципами стали принцип историзма и объективности, системности научного анализа, проблемно-хронологический принцип.

Принцип историзма, предполагающий изучение предметов и явлений во всем их многообразии и в конкретно-исторических условиях возникновения и развития, позволил рассмотреть политику государства по отношению к немецким переселенцам в области образования в динамике, в тесной взаимосвязи с процессами, происходившими в стране.

Принцип научной объективности позволил проанализировать проблемы с учетом реалий политического и экономического характера, которые естественным образом отражались на духовной сфере. Руководствуясь этим принципом, автор стремился преодолеть сложившиеся стереотипы о процветании немецких колоний, беспроblemном развитии взаимоотношений с государством, о русификации колоний, о высоком уровне развития культуры в немецкой автономии на Волге в советское время.

Принцип системности научного анализа позволил рассмотреть разные по времени, содержанию и направленности решения правительственных и ведомственных инстанций по вопросам образования.

Проблемно-хронологический принцип, положенный в основу работы, позволил рассматривать последовательно все стороны образовательного процесса, его влияние на сохранение духовной культуры и на формы взаимодействий между Германией и Россией.

Совокупность методов, применявшихся в исследовании, можно разделить на три группы. -Первая - общенаучные методы (анализ, синтез, аналогия, сравнение и др.) позволили обеспечить комплексный подход в изучении поставленных проблем.

Специальные исторические методы исследования (сравнительно-исторический, фронтальное обследование архивов, историко-биографический и др.)

44-04813

дали возможность проследить события в сравнении с конкретной исторической обстановкой, определить общее и особенное, а также количественные и качественные изменения в изучаемых процессах. Для сравнительного анализа использовались также статистический и математический методы, которые позволили через обобщение количественных показателей, привлекаемых для характеристики предмета исследования, выявить закономерности и качественные оценки разных этапов развития немецкой школы.

Все это позволило наиболее оптимально вписать историю немецкого этноса, отношения между русскими и немцами в общий контекст развития общества в сложные и противоречивые периоды XIX-XX веков.

Источниковую базу исследования составили разнообразные группы документов.

Первую группу источников составили опубликованные источники. В первую очередь, это законодательные акты. Автор проанализировал все правительственные указы и положения, которые были посвящены приглашению иностранцев в Россию, системе управления колониями, инструкции внутреннего распорядка. Законодательные акты, которые касались духовной сферы и регламентировали отношение государства и церкви как первой организации, под чьим патронажем находилось образование.

К данной группе источников относятся материалы переписей населения (1897, 1926, 1937, 1939 гг.), а также школьные переписи, статистические ежегодники, ежегодные обследования школ¹, земские губернские и уездные статистические сборники. По данным материалам можно определить различия в деятельности разных типов школ. Для освещения поставленных вопросов привлекались документы земского делопроизводства - журналы губернских и уездных земских собраний, доклады управ, что позволило проанализировать деятельность земства в области образования.

Использовались также опубликованные документы советского периода - постановления партийных съездов, конференций, сборники документов по вопросам религии, образования.

Вторую группу источников составили неопубликованные документы.

Диссертант исследовал и использовал 55 фондов 11 архивов. Изученные документы можно разделить на несколько подгрупп. К первой подгруппе "Документы официального делопроизводства" относятся материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственных архивах Российской Федерации (ГАРФ), в местных архивах - Государственных архивах Саратовской области (ГАСО), Самарской области (СОГА), а также материалы архива министерства иностранных дел Германии (РА АА Вонл). Это указы, циркуляры, переписка министерства с управляющим Казанским учебным округом со времени его создания до 1918 г. (РГИА, ф.733). Данные документы позволили проанализировать отношение правительства ко всем проектам и прошениям по улучшению образования в колониях, которые предлагались духовенством, колонистами или инспектирующими чиновниками. В частности, в полном объеме представлена картина по обсуждению проектов Эрдманна, Коссмана, Фесслера. Автором обнаружена интересная рукопись

¹ См. Раздел I "Опубликованные документы" Списка использованных источников и литературы" настоящей диссертации.

пастора Г.Гельца, отправленная в министерство в ответ на вышедшую в 1868 г. книгу А.Клауса.

Представлена переписка между Министерством народного просвещения и Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, отчеты попечителя Казанского учебного округа, циркуляры из министерства в учебные округа, отчеты чиновников министерства, проводивших регулярные ревизии поволжских колоний по состоянию школьного дела.

К первой подгруппе в ГАСО относится обширный фонд №180 Саратовской Конторы опекунства иностранных поселенцев, в котором отложились отчеты Конторы за многие годы, хранящийся в ГАСО. Они позволили проследить исполнение колонистами денежных сборов и повинностей, состояние промышленности и сельского хозяйства, промыслов, численность населения по полу, вероисповеданию, описано состояние церковного имущества, содержание духовенства. Отдельной строкой выделено состояние центральных училищ и количество учащихся, материальное состояние школ, а также обучение детей ремеслам.

Изучены документы канцелярии саратовского и самарского губернаторов (ГАСО, ф.1; СОГА, ф.3), Саратовского губернского присутствия по крестьянским делам, губернского правления земледелия. Подчинение колонистов общегубернским властям сразу сказалось на пополнении источников в местных архивах. Значительную ценность представляют отчеты губернаторов с приложениями, журналы губернских по крестьянским делам присутствия, прошения крестьян, сведения о переселении и эмиграции и другие материалы.

Для раскрытия политики Советского государства по отношению к церкви в годы советской власти использованы документы Российского центра хранения документации новейшей истории (фонд 17 - ЦК КПСС), фонд организации Союза воинствующих безбожников, личные фонды А.В.Луначарского и Е.М.Ярославского. В фонде 1 - обкома ВКП(б) АССР НП, хранящемся в Центре документации новейшей истории Саратовской (ЦДНИСО) изучены постановления и циркуляры, принятые во исполнение партийных решений, протоколы заседаний обкома, справки о состоянии культурной работы с массами, о подготовке кадров для школ. В фонде необходимо выделить протоколы съезда представителей немецких колоний Поволжья, который прошел в Саратове в апреле 1917 г. и подготовительные материалы к нему. Протоколы позволили восстановить картину участия представителей крупной поволжской буржуазии, духовенства, учителей в национальном движении немцев за самоопределение с февраля 1917 г., что слабо было отражено в исторических исследованиях, поскольку указанные материалы не использовались.

Фонды Поволжского комиссариата по немецким делам (ф.728) и исполкома области немцев Поволжья (ф.730), хранящиеся в Энгельском филиале ГАСО (ЭФГАСО), позволили осветить процесс становления автономии на Волге с выделением вопросов культуры, которые обсуждались и осуществлялись в период ее организации.

Основной материал для анализа народного образования в 1917-1941 гг. извлечен из фонда наркомата просвещения АССР НП (ф.847 ЭФГАСО). Здесь собраны копии распоряжений НКП РСФСР, протоколы заседаний НКП АССР НП по организации национальной школы, о деятельности органов образова-

ния в период голода 1921г. Представлены документы по организации педагогических техникумов, пединститута, комплектованию его кадрами. В фонде сосредоточены годовые отчеты средних учебных заведений по принятой форме, которая позволяет проследить количество преподавателей и учащихся. Материалы фонда позволили выявить, в каких формах шла работа по внедрению национального языка, и ее результаты.

В архиве МИД Германии изучен фонд немецкого посольства в Москве, который содержит отчеты, справки, доклады о состоянии национального образования на Волге, культурных связях немецкой автономии на Волге и Германии в 20-30-е годы. МИД Германии был хорошо информирован о положении немцев в России и СССР. Этому способствовали отчеты, которые составляли, например, представители Красного Креста в СССР в период голода 20-х годов. Через МИД выделялись деньги на поддержку немецких школ, больниц, церквей. Денежные суммы на эти цели фигурируют в отчетах.

Большой комплекс документов отражает деятельность эмигрантских организаций в Германии, что позволило осветить малоисследованную проблему эмиграции в 1917-1922 гг., помощи, которую в 20-30-е годы оказывали эмигранты с Волги поволжским колониям.

Значительный интерес представляют материалы Немецкого общества по изучению Восточной Европы, переписка между университетами, учеными, культурным отделом МИД Германии. Они позволили воссоздать картину двухсторонних научных связей. В диссертации обосновывается вывод о том, что архивные источники, оценивающие то или иное событие с разных позиций, дают возможность восстановить полную картину и дать объективную оценку культурного сотрудничества Германии и Автономной республики немцев Поволжья.

Ко второй подгруппе отнесены документы местного, городского и сельского самоуправления, местных советских и партийных организаций. Для освещения вопроса о культурно-просветительной роли земств привлекались фонды Самарского и Саратовского губернских и уездных земств в ГАСО и СОГА. При земских управах создавались комиссии по народному образованию, в которых участвовали лучшие выборные земцы, разрабатывались планы расширения народной школы и формы помощи ей. В этом отношении информативны фонды Самарского земства

Автором впервые введен в научный оборот большой комплекс документации, который содержат фонды волостных и сельских правлений. Изучены фонды 5 волостных и 21 сельского правлений, находящихся в государственном архиве Волгоградской области (ГАВО). Документы представлены с 1843 по 1919 гг. Не все акты сохранились полностью, но просмотренные фронтально, они дополняют друг друга и воссоздают достаточно полную картину деятельности административных учреждений.

Представлена переписка между волостными и сельскими правлениями по предоставлению статистических сведений о видах помощи школам, а также переписка инспекторов народных училищ с земскими начальниками и волостными правлениями, акты инспекции церковно-приходских и земских школ, формулярные списки учителей, их характеристики. Годовые отчеты сельских правлений, которые дают полную картину экономической жизни колоний по годам,

содержат сведения о численности жителей в колониях, об их вероисповеданиях, о количестве учебных заведений, учителей и учащихся.

В фондах сельских правлений ГАВО представлены своды мирских сборов на содержание общественного управления, духовенства, учителей, отдельной строкой выделены расходы на содержание центральных русских училищ и католической семинарии, приобретение учебных пособий и другие расходы, связанные со школой. Интересную информацию содержат приговоры сельских сходов о процедуре найма кистеров-шульмейстеров. Материалы показывают, когда и как менялось содержание учителей, когда финансовую помощь оказывали земства.

В фонде №13 дирекции саратовских народных училищ в ГАСО отложились предписания из Казанского учебного округа, переписка и отчеты инспекторов школ, статистические данные, акты инспекций церковно-приходских и земских школ, процесс создания частных школ и их деятельность, формулярные списки учителей.

Отдельную группу составили документы по истории церквей. Выделение этой группы документов обусловлено тем местом, которое занимала церковь в дореволюционный и послереволюционный период. В первую очередь, это фонд 821 (РГИА) - Генеральная Евангелическо-лютеранская консистория в РГИА, который содержит документы с 1754 г. по 1918 г. В нем представлены журналы заседаний консистории, отчеты, обращения Генеральной консистории в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, в министерство юстиции. Они позволили восстановить картину взаимоотношений Саратовской конторы иностранных поселенцев и министерства народного просвещения, уточнить многие исторические факты, в частности отношении духовенства к шагам правительства в области образования. Интересны дела, содержащие переписку по передаче церковно-приходских школ в Министерство народного просвещения, введению преподавания на русском языке в 90-х годах XIX века. Документы католической церкви представлены фондом Тираспольской римско-католической консистории, хранящимся в ГАСО (ф. 365).

Для характеристики роли духовенства в сохранении духовной культуры немецкого этноса использовались также фонды отдельных церквей со дня их основания до закрытия в 1938 году. В этих фондах имеются документы о церковно-приходских школах, о переходе лиц православного вероисповедания в лютеранство, о распространении сект в Поволжье и отношении к этому администрации и духовенства (ф.852 ГАСО).

Важным источником являлась частная и служебная переписка. Практически этот вид источника никогда не публиковался (письма учителей Луначарскому и Ярославскому по проблемам образования и религиозного воспитания), переписка церковных деятелей, касающаяся проблем школы и церкви (ф.142 и 89 ГАРФ).

В диссертационном исследовании использовались также дневники и воспоминания, опубликованные как отдельными изданиями, так и в периодической печати (воспоминания Т.Цюге, И.Фесслера, А.Маттерна, Губера, П.Галлера и др.)

Большой материал для анализа и выводов диссертанту удалось получить путем изучения отечественной и зарубежной печати, большая часть которой является библиографической редкостью. Важное значение для раскрытия по-

ставленных проблем имело привлечение органов печати, издававшихся в эмиграции. Они позволили показать с разных сторон восприятие и оценку событий. Часть периодических изданий в полном объеме изучена автором в библиотеке Института зарубежных исследований в Штутгарте.

Особенно ценными являются религиозные издания - католический журнал "Klemens", протестантский "Friedensbote", издававшиеся на Волге. Широко привлечены периодические издания эмигрантских организаций в Берлине - журналы "Wolgadeutsche Monatshefte" "Mitteilungen des Vereins der Wolgadeutschen", газета "Der Wolgadeutsche". Журнал "Deutsche Leben in Russland" (орган ЦК "Deutschen aus Russland"). Журнал "Der Auslandsdeutsche", а также журнал "Deutsche Post aus dem Osten".

Использована также периодическая печать на русском и немецком языках, издававшаяся на Волге. Это газеты "Saratowsche Deutsche Zeitung", "Приволжский край", выходившая в Камышине, а также журналы и газеты АССР НП, издававшиеся в 20-30-е годы - "Nachrichten", "Wolgadeutsches Schulblatt", "Revolution und Kultur" и другие.

Таким образом, автором выявлен, проанализирован, обобщен, систематизирован и использован в диссертации большой объем архивных источников, ранее из-за закрытости самой темы не вводившихся в оборот отечественными и зарубежными исследователями, в частности, неизвестные прежде документы из местных партийных и государственных архивов, а также материалы архива МИД Германии, недоступные до настоящего времени большинству отечественных историков.

Апробация работы.

Результаты работы докладывались на научных конференциях в Волгограде (1991-1996), Элисте (1992), Омске (1993), международных конференциях, проводимых при поддержке Института германских и восточно-европейских исследований (Геттинген, Германия) - (Анапа, 1994, 1995, 1997); международных российско-германских конференциях под руководством Центра германских исторических исследований (Институт всеобщей истории, Москва) - "Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма", Волгоград, 1995; "Веймар-Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия. Челябинск, 1996; "Опыт тоталитаризма в XX веке и формы его преодоления". Москва, 1998. Опубликованы монография, учебное пособие по спецкурсу, ряд статей, в том числе в Германии и США.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

Основное содержание диссертации.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, новизна и практическая значимость исследования, дается историографический анализ отечественной и зарубежной литературы, классификация и характеристика источников, методология исследования и его апробация.

Первая глава диссертации "Школьное образование в немецких колониях Поволжья в 1764-1871 гг." посвящена исследованию становления церковно-приходских школ у иностранных поселенцев из германских государств, которые поселились на территории Поволжья по манифесту Екатерины II от 1763 г. Они получали большие льготы - наделение землей, освобождение от несения

воинской службы, свободное отправление веры, освобождение от налогов на период устроительства (до 30 лет), поощрение промышленности и торговли.

Не имея чётко оговоренных статей в самом манифесте, относившихся к сфере образования, колонисты были вольны сами решать вопрос о введении школьного обучения. Школьное образование было сосредоточено в руках священников, поскольку школа в Западной Европе со времен Лютера была призвана распространять образование в целях религиозного просвещения масс. Реально на выбор учителя и его содержание влияла община. Учитель одновременно являлся кистером (помощником пастора). Так с самого начала становления школы были переплетены функции учителя как светского и духовного наставника.

Создание немецкой школы рассмотрено на фоне реформ в области образования, предпринятых во время правления Александра I. Министерство народного просвещения долго не проявляло интереса к нуждам школы. Первыми необходимость реформирования школы осознали пасторы и патеры колоний, имевшие связи с родиной и знакомые с достижениями западноевропейской педагогической мысли. Ревизии колоний со стороны правительства требовали пересмотра положения учителя, введения преподавания русского языка, организации учительской семинарии, но правительство не предпринимало действенных шагов, считая, что для сельских обществ затраты будут обременительны.

Начало реформирования школы положила деятельность И.Фесслера, который предложил от чисто конфессиональной школы перейти к общеобразовательной. Благодаря усилиям священников стало возможным принятие 5 марта 1840г. документа "О правилах для школьного и катехизического учения в колониях Саратовских иностранных поселенцев".¹ Эти правила закрепили обязательное обучение детей немецких колонистов в церковно-приходских школах, что выгодно отличало немецкую школу от русской.

К середине XIX века колонисты все более осознавали ограниченность чисто религиозного образования и в колониях получило распространение частное образование, уровень которого был выше, чем в церковных школах, в них преподавался русский язык, и это было решающим фактором при выборе формы обучения. Колонии доказали, что могут вписаться в хозяйственную и культурную жизнь страны и показывать образцы высокого уровня культуры и быта свободных людей.

Низкое качество обучения в церковно-приходских школах, обусловленное большим количеством детей, отсутствием подготовленных учителей, вели к необходимости кардинальных изменений в школе, в первую очередь, за счет расширения количества преподаваемых предметов, причем, на русском языке, организации учительской семинарии. В исследовании рассматривается полемика, развернувшаяся в печати в связи с выходом книги А.Клауса "Наши колонии" в среде учителя, пасторов, деятелей народного образования² и сделан вывод о том, что духовенство понимало необходимость просвещения народа и обучения его русскому языку на добровольной основе и поставило этот вопрос задолго до правительственных распоряжений. В церковно-приходской школе

¹ РГИА. Ф.398. Оп.81. Д.671. Л.1-7; Ф733. Оп.39. Д.207. Л.1-4; Ф.733. Оп.91. Д.58. Л.1-2; Полное собрание законов. Собр. 2. Т.15. Отд.1. №13233.

² РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.555. Л.5, 50-58.

шло не только обучение чтению и письму, но и воспитание в духе догматов протестантской и католической веры. И в этом смысле место и слово пастора было непререкаемым, а школа воспринималась как неотъемлемая и необходимая часть внутренней духовной жизни колонии. Обучение в немецких школах не было чистой калькой с германской системы образования. Изолированность колоний, отсутствие образованных учителей, учебной литературы, совмещение обязанностей учителя и кистера сказывались отрицательно на качестве образования до середины XX века.

Вторая глава. "Развитие народного образования немцев Поволжья в 1871-1917 гг." посвящена важному периоду в истории государства. Реформы 60-х годов XIX века затронули обособленное существование немецких колоний. В сфере земельных отношений Государственным Советом 4 июня 1871 г. были приняты высочайшие правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов). К 1 января 1870г. под попечительством Саратовской конторы иностранных поселенцев в Саратовской и Самарской губерниях находилось 271789 чел. немецкого населения. Церковно-приходских школ насчитывалось 175, в них учителей - 220, учащихся - 49755¹.

Проблемы образования стали предметом обсуждения в обществе и правительстве. Активную позицию заняли земские органы - в первую очередь, уездные. На основе новых неопубликованных документов делается вывод о культурно-просветительской деятельности земства и его вкладе в улучшение ситуации в народном образовании. Уже в 1869 г. Камышинское уездное земское собрание, в котором около половины мест занимали немцы-колонисты, разработало план введения всеобщего народного обучения, и в 1871г. открылась первая земская школа в Верхней Добринке. Положение о народных училищах от 25 мая 1874г. предоставляло земству право учреждать школы, выделять финансы на их содержание, рекомендовать учителей и следить в целом за ходом общеобразовательного процесса. При земских управах создавались комиссии по народному образованию, в которых разрабатывались планы развития школьного и внешкольного образования.

Крестьяне-колонисты в земствах Новоузенского и Камышинского и уездов (в этих уездах немецкое население насчитывало от 24% до 42%) составляли особую категорию. Работа в земских органах требовала грамотности на русском языке, умения составлять отчеты. Поэтому в земские органы избирались трудолюбивые, наиболее просвещенные колонисты, владевшие русским языком. Начав на поприще земства, многие немцы занимали позднее видные должности в губерниях. Это такие, как Г.Х. Шельгорн, П.Е. Ляук, Н.В. Гардер, В.В.Крубер, К.Н.Гримм.

Земства положили начало принципиально новым шагам в области образования: организация земских школ; обеспечение их учителями русского языка и их оплата; финансовая помощь всем типам школ (расходы на народное образование в Камышинском уездном земстве в 1900 г. составляли 30% годового бюджета)², а затем и перевод части церковно-приходских школ под крыло зем-

¹ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.1995. Л.1.

² Обзор начального народного образования в Саратовской губернии за 1900-1901 гг. 3-й год обследования. Саратов, 1901. С.2. См. подробнее: Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья. 1764-1941гг. Волгоград, 1998. С.59.

ства; подготовка учительских кадров, организация бесплатных библиотек, предоставление стипендий для обучения в университетах и училищах. Развитие сети земских школ (в 1903 г. в Камышинском уезде было 213 начальных училищ, из них 55 - церковно-приходских и 52 земских школы) создавало здоровую конкуренцию другим типам школ. Учитель земской школы становился заметной фигурой в деревне.

Потребность в знаниях диктовалась самой жизнью. Немцы кроме земледелия, занимались другими видами производства - изготовлением сарпинки, табаководством, (особенно в самарских селениях), садоводством, различными промыслами, что способствовало развитию внутреннего рынка и требовало грамотных работников.

Частное образование поднялось на новую ступень. В целом частные школы в колониях охватывали небольшое число детей, но они давали право выбора богатым колонистам в приобретении большего объема знаний, особенно, изучения русского языка, чего церковно-приходская школа не давала, позволяли подготовиться для поступления в русскую гимназию.

Наиболее дальновидные колонисты требовали изучения русского языка в церковно-приходских школах, ибо его знание было необходимо для работы в органах управления, возросли контакты с русским населением, знание русского языка позволяло иметь льготу по воинской повинности, введенной для немцев в 1874 г., облегчало службу в армии. Позиции колонистов и духовенства в этот период разделились. Часть духовенства настаивала на введении русского языка и, что особенно важно, акцентировала внимание на подготовке учителей со знанием русского языка из среды колонистов. Другая часть всячески подогревала слухи о грядущей русификации, ссылаясь на отмену былых привилегий.

2 мая 1881 г. церковно-приходские школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения. За духовенством было сохранено право наблюдать за религиозным образованием юношества в этих заведениях¹. Порядок управления изменился, попечителям учебных округов было предоставлено право подчинить школы контролю директора и инспекторов народных училищ. Организация и учебное устройство школ оставались без изменений. Министерство не взяло на себя также финансовое обеспечение - источник содержания остался прежним - сельские общества.

Важным фактором и элементом модернизационных процессов являлся рост грамотности. Данные переписи 1897г. позволяли дать сравнительный анализ уровня грамотности народов империи. На первом месте по уровню грамотности стояли эстонцы - процент умеющих читать - 94% ; затем латыши - 85%; немцы - 78,5% , причем, уровень грамотности мужчин и женщин у немцев был практически одинаков (соответственно - 79,7% и 77,3%, а число немцев с образованием выше начальной школы практически в 3 раза больше, чем у других национальностей - 6,37%². Перепись 1897г. зафиксировала и знание русского языка, оно составило для немцев Поволжья и региона Урала 18,92%³. Уровень начального образования у немцев превышал все остальные группы населения

¹ Полное собрание законов. Собр.3. Т.1. 1881 г. СПб., 1885. № 123.

² Kappeler A. Die deutsche Minderheit im Rahmen des russischen Vielvölkerreiches// Zwischen Reform und Revolution. S.23.

³ Ibid. S.24, 26.

практически в три раза и составлял почти 87%. Показатели среднего образования у русских и немцев Поволжья почти на одинаково низком уровне, в то время как уровень среднего образования русских в городах гораздо выше. Это было связано с нехваткой средних учебных заведений и менталитетом крестьян, не видевших необходимости в среднем образовании. Для немцев главными причинами низкого уровня среднего образования являлось незнание русского языка, препятствовавшее поступлению в русские гимназии, что в свою очередь являлось следствием низкого уровня преподавания русского языка в центральных училищах, готовивших учителей для немецких школ.

В главе детально исследована дискуссионная проблема о "русификации" немецких школ. Обращается внимание на то, что введение преподавания на русском языке всех предметов, за исключением родного языка и закона Божьего, должно было вводиться постепенно и предполагало добровольность его изучения². Но реально на местах инспекторы часто нарушали закон. Переподчинение школ Министерству народного просвещения, а на местах - директорам народных училищ, введение корпуса инспекторов, контроль государства за деятельностью земства в области образования, введение преподавания на русском языке - все говорило за то, что государство стремилось включить немецкую школу в общий строй общественной жизни.

Эта политика в целом отвечала объективному развитию общества. Отчеты инспекторов, результаты экзаменов, земские обследования состояния школьного образования говорили о том, что введение русского языка повсеместно не наблюдалось. Перевести немецкую школу достаточно безболезненно на преподавание русского языка в большем объеме, чем прежде, не удалось, так как не предпринимались конкретные шаги по увеличению выпуска учителей в центральных училищах и католической семинарии, не была продумана программа обеспечения учителей пособиями и учебниками, не перестроена программа преподавания, не укреплена материальная база школы. Непоследовательные шаги правительства и конкретные действия школьной администрации вызывали протесты колонистов.

Анализ десятков петиций³ с требованиями возврата к прежнему порядку преподавания в начальной школе, а также документов архивов показывает, что позитивные перемены в общественной жизни, сопровождавшие развитие экономики в стране и на Волге, наталкивались на традиционализм основной массы немецкого населения в их отношении к школе.

С одной стороны, была большая группа городских немцев, сосредоточенных в городах губернского и уездного значения и вошедших в русло капиталистического развития через участие своими капиталами в мукомольном деле, торговлей зерном и мукой. Фамилии Э.Бореля, братьев Шмидт, А.Бендера, К.Рейнке, И.Зайферта, О.Беринга в Саратове, А.Ерлангера, М.Баберманна в Самаре, А.Герхардта в Царицыне, А.Райсixa в Камышине и многих других были известны в России.

С другой стороны, основная масса немецких крестьян именно в поволжских

¹ См.: Луппов П. Немецкие начальные школы в России. К вопросу о немецких колониях на русской земле. Пг. 1917. С.20-24.

² РГА. Ф.733. Оп.173. Д.30. Л.10.

³ Там же. Д.32. Л.9-379.

колониях олицетворяла собой крестьянский традиционализм, сознание, что все в жизни должно оставаться таким, как было передано родителями в процессе воспитания, а это входило в объективное противоречие с необходимостью реформ и отказом от устаревших форм существования.

Духовную изолированность немецкого общества прорывала пресса. Опасение утраты своей собственной культуры, особенно, в городах, не имеет на наш взгляд, почвы. Участие городских немцев, например, в культурных мероприятиях, благотворительных обществах, ученой архивной комиссии Саратовской губернии, которая в числе других изучала и немецкую культуру, публикации ученых докладов и трудов на немецком языке, не говоря уже, что большинство городских немцев получало среднее и высшее образование и имело научные связи, говорит о другом феномене - о развитии с середины 60-х годов XIX в. широкого взаимодействия с русской культурой.

Наличие постоянных контактов с соотечественниками в Германии, в Прибалтике, Москве, Петербурге позволяли с одной стороны, выполнять коммуникативную функцию в механизме распространения важных культурных новаций. Достаточно упомянуть имя А.Н. Минха, который более 20 лет работал мировым судьей Саратовского уезда, занимался литературной деятельностью, был основателем в 1886 г. Саратовской ученой архивной комиссии. Интеллигенция в городах и колониях предпринимала усилия для развития народного образования. В первую очередь это выразилось в организации многочисленных немецких клубов и обществ¹.

В главе исследуется также проблема подготовки кадров для немецких школ Поволжья и делается вывод о том, что объективные процессы интеграции колоний заставили правительство организовать центральные училища. (Екатериненштадтское и Лесно-Карамышское) для подготовки учителей со знанием русского языка, т.н. русские училища. Они содержались на средства колонистов. Только с 1833 г. началась реальная подготовительная работа по созданию училищ. Но низкий уровень знаний учащихся, частая смена руководства, набор дисциплин и несовершенные учебные планы - все эти причины не позволяли выпускать учителей с достаточным уровнем знания русского языка. Более основательно шла подготовка духовенства и учителей в Тираспольской римско-католической семинарии. Она отличалась высоким уровнем преподавательского состава, широким набором общеобразовательных предметов давала лучшее знание русского языка. Только к концу 90-х годов XIX века училища пополнились квалифицированными преподавателями, улучшилась их материальная база. Учителей готовили также Вольская учительская семинария, русские гимназии Саратова и Самары.

В 1909-1913 гг. прошло преобразование центральных училищ в городские училища с организацией при них двухгодичных педагогических курсов². В Лесно-Карамышском училище обучалось с 1868 по 1916 гг. 3427 учащихся, из которых 368 вышли со свидетельством о их окончании³. Эти цифры свидетельствуют о том, что оба училища постоянно испытывали дефицит кадров, матери-

¹ См.: СОГА. Ф.3. Оп.128. Д.78. Л.1-12; Оп.127. Д.58. Л.4,14; РГИА. Ф.821. Оп.150. Д.352. Л.1; Ф.733. Оп.167. Д.442. Л.109-111.

² ГАВО. Ф.263. Оп.1. Д.34. Л.75; Д.35. Л.3.

³ Mattern A. Die Grimmer Zentralschule/Unsere Wirtschaft, 1924. №3. S.107.

ального обеспечения, а, главное, учащихся с хорошим знанием русского языка как базового для обучения. Тем не менее именно эти училища дали целый ряд известных представителей интеллигенции, которые сыграли свою роль в организации автономии на Волге и занимали в последующем видные посты в руководящих органах власти республики (К.Дорш, И.Шваб, Г.Дингес, А.Щенфельд, А.Лане, А.Лонзингер и др.).

Третья глава диссертации "Состояние и развитие народного образования немцев Поволжья в 1917-1941 гг." посвящена политике большевистской власти по отношению к национальной школе поволжских немцев. Анализ материала показал, что, несмотря на создание национально-территориальной автономии немцев Поволжья и провозглашении установок на развитие национальных культур, определяющим в организации школы являлся классовый подход, что сказалось негативно на содержании образовательного процесса. Область испытала все трудности, связанные с продразверсткой, гражданской войной, а затем и голодом. Сфера культуры была окончательно подорвана. Учителя покидали школы из-за враждебности руководства к старому составу учителей, многие уходили на работу в советские учреждения, где гарантировалась оплата. В результате изучения архивных документов и опубликованных переписей населения сделан вывод о падении уровня образования населения и учителей.

Трудности восстановления республики только в 1926 г. позволили разработать ориентировочный план обучения на базе школ I ступени с 4-мя классами. Повысился уровень финансирования школы из государственного и местного бюджетов. С 1924/25 г. в финансовую систему были включены сельские бюджеты. В области среднего образования удалось с 1924 по 1927г. открыть 2 семилетних школы, 3 семилетки были реорганизованы в школы крестьянской молодежи. Всего в 1927г. республика имела 8 немецких и 6 русских семилетних школ, 6 немецких и 1 русскую ШКМ и по 2 русских и немецких школы II ступени. Число учащихся в школах повышенного типа немецкой национальности было значительно ниже, чем представительство в общем составе населения.

Другой проблемой было обеспечение школы учебной литературой и методическими пособиями. Область просила выделить кредит на 72 тыс. руб., но получила только 36500 руб., из них на 5 тыс. руб. была заказана литература из Германии¹. Если в 1923/24 г. было выпущено 7 книг в местном издательстве и 3 в центре, то в 1925/26 гг. 26 и 25 соответственно. Удалось наладить издание всех немецких учебников для I ступени школы. Общее число книг составило в 1923/24 гг. - 24150 экз. и за 6 месяцев 1926 г. - более 300 тыс.²

В обеспечении литературой существенно помогли международные культурные связи, которые начали развиваться между Немреспубликой и Германией с 1925 г.³ Институт установил связи с обществом друзей новой России, Германским учительским союзом, Центральным институтом образования и воспитания, немецкой библиотекой в Лейпциге⁴.

Особенностью национального образования было двуязычное обучение в

¹ ЭФГАСО. Ф.730. Оп.1. Д.238. Л.240.

² ЦДНИСО. Ф.1. Оп.1. Д.1266. Л.23 об.

³ FA AA Bonn R 83864 IV a Rußland; Richter H. Die deutsch - wolgadeutsche Beziehungen//Das Neue Rußland. 1926. № 5/6. S.315-316.

⁴ Richter H. Aus der Wolgadeutschen Sowjetrepublik. Berlin, 1926. S.26.

немецких школах. Языком преподавания был для немецкого, русского и татарского населения родной язык. Обучение украинцев шло в основном на русском языке из-за отсутствия педагогов с родным языком. Для эстонских сел были 2 школы в Красно-Кутском кантоне (в одной преподавание шло на эстонском, в другой - на русском языках). Введение преподавания на немецком языке необходимо оценить как безусловно положительное, так как это способствовало созданию немецкой языковой культуры¹. Такую же оценку давали в своих отчетах в МИД Германии посетившие республику немецкие представители².

В 1926 г. 94,9 % всех немцев стране считали родным языком немецкий язык³. Это очень высокий показатель, говорящий о том, что языковой ассимиляции в автономной республике и автономных округах и районах компактного проживания немцев не было.

Проведенное административно-силовое отделение немецкой церкви от школы без замены соответствующими условиями привело к резкому снижению уровня грамотности детей в 1920-е годы. С конца 1922 г. для агитационных кампаний был привлечен комсомол. В селах начали проводить комсомольские пасхи и рождества, театрализованные представления с антирелигиозной тематикой. Уже первые неумелые кампании против церкви, запрещение обучения религии привели к тому, что наметилась тенденция не к сокращению, а к расширению и воспроизводству членов ряда конфессии.

С другой стороны, школа превращалась в поле борьбы за души детей, так как антирелигиозная программа предусматривала именно школу сделать основным полем деятельности, что шло вразрез с традициями домашнего воспитания. Нежелание властей изменить политику в области религиозного образования и церковной политики стало одной из причин начавшейся эмиграции, которая приобрела обвальный характер⁴.

В то же время проведение культурной революции в масштабах всей страны требовало внимания к проблемам образования. 25 июля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление "О всеобщем обязательном начальном обучении", а в августе на его основе - ЦИК и СНК СССР⁵. Начальный всеобщий стал законом. Лозунг - классовая борьба за всеобщее - привел к обострению борьбы против зажиточного крестьянства. Всеобщее на 1 февраля 1931 г. по Немреспублике было охвачено 98,5% детей, подростков 12-15 лет - 96,5%. Т.е. задача введения всеобщего обучения детей была решена. Но что касается посещаемости, особенно весной и осенью, то она была низкой и составляла 70-75%. Второгодничество и отсев были высокими (10-15%). Причинами этого были слабые знания, отсутствие одежды и обуви у детей, высокая заболеваемость вследствие плохого питания.

С 1930 г. школы перешли на новые программы обучения, которые преду-

¹ См.: Jedig H. Die deutsche Sprachkultur in der Sowjetunion// zum Ersten Weltkrieg// Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart. Baden-Baden. 1990. S.206.

² PA AA Bonn. R 83864.

³ В 1939 г. - 85%, в 1959 г. - 75% , в 1979 г. - 56% . См.: Pinkus B. Das Bildungssystem der extraterritorialen nationalen Minderheit in der Sowjetunion: Deutsche, Juden und Polen, 1917-1939// Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart. .S.195.

⁴ Der Auslandsdeutsche, 1930. №2.

⁵ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917-1973. Сб. док. М., 1974. С.109-113.

смаатривали внедрение политехнической школы. Но имеющиеся учебники не соответствовали программе и были плохого качества. Средние школы были в соответствии с требованиями "реконструктивного периода" реорганизованы в селе как школы крестьянской молодежи, в городе - как фабрично-заводские школы. Число школ возросло с 32 в 1927/8 уч. году до 43 в 1931 г. С осени 1931 г. семилетнее образование было введено в МТС и совхозах¹.

Неудовлетворительное обеспечение учебной литературой, во многом из-за слабой издательской базы, отсутствия научных кадров для создания специальных учебников для немецкой школы, было усугублено поисками идейных врагов в рядах интеллигенции.

В 1934 г. в русле кампании по борьбе с внутренними врагами обком ВКП(б) АССР НП принял ряд постановлений "О постановке интернационального воспитания в школах", "О проявлениях кулацкого национализма в культурном строительстве и на идеологическом фронте АССР НП"². С их принятием началась кампания запретов на проявления национальной специфики. Стали опальными многие идеологически невыдержанные песни, пьесы, произведения композиторов. Запрещались "засоренные национализмом" учебники, книги. Была прекращена деятельность ученых-диалектологов НПИ по изучению диалектов немцев Поволжья. Практически полностью был изменен состав наркомата просвещения. Все это не могло пройти бесследно. Несмотря на то, что основная часть учебников была выпущена в 1938-39 гг., их количества не хватало. Уровень и качество обучения существенно не увеличился. Так, по данным на январь 1939г. не успевали 28% учащихся. Квалификация учителей также не удовлетворяла требованиям школы - 44% учителей начальной школы не имели законченного среднего образования³.

Последним шагом в процессе нивелировки национальной школы стало постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 г. о реорганизации национальных школ в обычные советские школы⁴.

Система национальных школ, созданная в годы советской власти, смогла бороться с многочисленными трудностями - недостатком квалифицированных учителей, материальной базы, учебной литературы. Опек и контроль органов народного образования, определявших и регламентирующих внутреннюю жизнь школы, часто менявших планы и методы преподавания, были направлены на поддержание господствующей в данный момент политической линии. Немецкая школа участвовала во всех экспериментах советской педагогики - Дальтон-план, бригадный метод обучения, увлечение педологией.

Но мы должны видеть и позитивные шаги - создание собственной немецкой языковой культуры, которое началось после 1917 г. Было сделано очень много для того, чтобы поднять культурный уровень немецкого населения. Были изданы или переведены учебники на немецком языке, поднялся уровень грамотности. Создание средней школы позволило поступать в техникумы (их в республике было к концу 30-х годов 10) и в институты (сельскохозяйственный, педагогический, совпартшкола). Уровень грамотности по переписям 1937 и 1939 г вы-

¹ ЭФГАСО. Ф.Р-847. Оп.1. Д.469. Л.53.

² ЦДНИСО. Ф.1. Оп.1. Д.2284. Л.250-251; Д.2154 а. Л.113-114; Д.2362. Л.80-93, 106-107.

³ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.21. Д.3151. Л.111.

⁴ ЭФГАСО. Ф.Р-847. Оп.1. Д. 577. Л.5.

годно отличал Немреспублику. Так, по переписи 1937 г. сельское население имело грамотность 90,5%, что было выше грамотности по РСФСР на 13,3%. По переписи 1939 г. немцы снова занимали первое место в селе - 90,5% и второс в городе - 92%.

Изменился язык грамотности. Так, если в 1926 г. на 1 тыс. человек было грамотных на родном языке 949 чел., то в 1939 г. - уже 884 человека. Здесь сказались и вынужденная миграция, нехватка учителей, литературы на немецком языке. В последующие десятилетия уровень владения немецким языком как родным также стремительно падал.

В целом с учетом высокой грамотности по сравнению с другими национальностями страны немцы были представлены меньше в вузовском образовании. Сказывались последствия экспериментов советской власти в области религии, классового подхода в отношении детей из богатых семей. Уровень подготовки выходцев из бедных семей не позволял овладеть вузовской программой. Поэтому процент немецкой интеллигенции был очень низким.

Комплектование и рабфака, и педагогических техникумов шло по классовому принципу, поэтому учебные заведения часто испытывали недобор. Политизация всей системы образования никак не удавалась. Представительство немцев в партийных рядах было очень незначительным. Так, удельный вес немцев составлял - 2,2 на 1 тыс. немецкого населения в сравнении с русскими (10 на 1 тыс. населения)¹. В 1926г. членами партии были только 0,4% учителей, кандидатами - 3,25% учителей, членами РКСМ - 4,8%².

Кадры для начальной и средней школы готовили 3 педагогических техникума и педагогический институт, открытый в 1929 г. Коллектив пединститута испытывал трудности с педагогическими кадрами, так как первые преподаватели Г.Дингес, П.Сынопалов, П.Рау и ряд других были обвинены в контрреволюционной деятельности и арестованы. Чистка, проведенная среди преподавателей и студентов, привела к тому, что в конце 1932/33 учебного года 40% студентов покинули институт, а 19% закончили курс с неудовлетворительными оценками³.

В 1935 г. в институте обучалось 486 студентов, включая вечернее отделение и двухгодичный учительский институт, первый выпуск которого был осуществлен в 1937 г. Всего выпуск в 1935 г. составил 148 педагогов с высшим образованием и 645 - со средним, учитывая выпускников педучилищ. В течение двух первых пятилеток предпринимаемые меры позволили увеличить количество начальных школ до 172, в которых обучалось 15,1 тыс. учащихся, в 215 неполных средних школах - 58,8 тыс. учащихся, в 72 средних школах - 39,8 тыс. учащихся⁴. Учителей на 1 января 1940 г. в республике было 4344. из них - в начальной школе - 758, неполной средней школе - 2236, средней школе - 1350⁵. Тяжелым ударом по системе высшего и среднего образования стали решения правительства страны от 2 октября 1940 г. и, прежде всего, введение платы за обучение в вузах и старших классах средних школ. Они привели к резкому сокраще-

¹ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Ч. II. С.57.

² ЦДНИСО. Ф.1. Оп.1. Д.1354. Л.9.; Wolgadutsches Schulblatt. 1927. №1. S.133.

³ Wegele A. Aus dem Leben des Deutschen Pädagogischen Instituts// Revolution und Kultur. 1934. № 4/5.

⁴ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Ч. II. С.252.

⁵ ЭФГАСО. Ф.Р-847. Д.511. Л.111.

нито числа юношей и девушек, получавших среднее и высшее образование на родном языке.

Национальная школа в советский период прошла два этапа. Первый пришелся на становление советской власти и сопровождался напряжением сил, с которыми пришлось налаживать обеспечение школы педагогическими кадрами и учебными пособиями. Второй этап сопровождался все более усиливающимся идеологическим прессингом, борьбой с инакомыслием, в первую очередь, с религией. Это сказалось на доверии крестьян к школе, раскалывало учительство на два лагеря. Постепенно в условиях отсутствия выбора сформировалось поколение, которое шло в фарватере партийной линии и было фанатично предано большевистскому режиму.

На основе сравнения мер, предпринимаемых для улучшения учебного процесса в русских и немецких школах, можно сделать вывод, что немецкая школа сохранила специфику только в овладении родным языком. Это позволило даже в условиях нехватки литературы получать грамотность на родном языке, что способствовало вопреки предпринимаемым попыткам вытравить религию, знакомиться с религиозной литературой, с другой стороны, отсутствие запрета на употребление литературного языка, а также диалектов, развитие собственной национальной печати, театра, литературы - все это приходило через родной язык. Поэтому этот элемент сохранения культуры необходимо оценить положительно.

В заключении делается вывод о том, что немецкая школа в Поволжье являлась важным звеном в осмыслении, закреплении и сохранении истории и культуры немцев России. Церковно-приходская школа была перенесена в Россию из германских государств, это была глубоко конфессиональная школа, её основной целью была подготовка детей к конфирмации и обучение чтению религиозной литературы. Она была первой ступенью религиозного воспитания и наряду с традиционной сельской культурой и обычаями способствовала сохранению немецкого этноса на Волге.

В условиях закрепощения основной массы русского крестьянства и отсутствия системы народного образования в Российской империи на первом этапе своего существования церковно-приходские школы в немецких колониях были единственным источником получения грамотности для детей немецких колонистов. Уровень обучения был низким, но причины такого положения не могли быть устранены только усилиями колонистов.

Правительство долгое время не предлагало альтернативы церковно-приходским школам и старалось не замечать самой тяги колонистов к обучению. Деятельность пасторов (И.Фесслера, К.Конради, И.Эрбеса) показывает заинтересованность духовенства в повышении грамотности населения. Оно понимало необходимость просвещения народа и обучения его русскому языку на добровольной основе, поставило этот вопрос перед правительством задолго до его распоряжений.

В церковно-приходской школе шло не только обучение чтению и письму, но и воспитание в духе догматов протестантской и католической веры. И в этом смысле место и слово пастора было непререкаемым, а церковно-приходская школа виделась как неотъемлемая и необходимая часть внутренней духовной жизни колонии. Обучение в немецких школах не было чистой калькой с гер-

манской системы образования. Изолированность колоний, отсутствие образованных учителей, учебной литературы, совмещение шультейстерами обязанностей кистеров и ряд других причин сказывались отрицательно на качестве образования. В то же время именно церковно-приходская школа явилась главным инструментом передачи религиозного, социального, культурного опыта от поколения к поколению в условиях инонационального окружения.

В XIX веке сосуществовали две тенденции - консервация общества и взаимовлияние и открытость немецкого этноса. Развитие интенсивного товарообмена между колониями и прилегающими областями Российской империи требовало от колонистов контактов с окружающим населением. Проблема же изучения русского языка не осознавалась правительством вплоть до 60-х гг. XIX века. Колонисты начали сознавать необходимость более широкого обучения, тем более, что церковная школа не менялась. Они находили выход в частном образовании и в обучении детей в русских учебных заведениях. Большую роль в подготовке учителей, кистеров, слоя служащих сыграли центральные русские училища и католическая духовная семинария. Эти учебные заведения сформировали национальную немецкую интеллигенцию, дали образование купцам, промышленникам из среды колонистов, которые заявили о себе в области экономики и культуры, начиная с 90-х годов XIX века.

Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. внесли существенные изменения во внутреннюю жизнь колоний. Необходимость службы в армии, введение административной переписки на русском языке, тесные экономические связи и уравнивание в правах с крестьянством империи привели к осознанию необходимости изучения русского языка. Земство положило начало принципиально новому направлению в области образования: организация специальных земских школ, обеспечение их учителями русского языка и оплата их жалования, финансовая поддержка церковно-приходских и частных школ, предоставление стипендий учащимся, организация школьных и учительских библиотек, подготовка кадров учителей, строительство школьных зданий и их содержание. Именно земство предложило альтернативу церковно-приходской школе. Разные типы школ в колониях (церковно-приходские, частные, министерские, земские) были результатом поисков и колонистов, и государственных органов, особенно, с середины XIX века.

Много значило для колонистов духовенство. Оно влияло своей позицией на принятие решений по внутриобщинным вопросам и имело непререкаемый авторитет. На протяжении рассматриваемого периода духовенство занимало двойственную позицию. До середины XIX века оно было заинтересовано в постановке школьного дела, так как она готовила по существу будущую паству. Церковно-приходскую школу религиозные деятели рассматривали как свою область влияния, тем более, что правительственными установлениями это постоянно подчёркивалось.

Перевод поволжских церковных школ в 1881 г. в ведение Министерства народного просвещения мало что изменил в их внутренней организации, что повлекло за собой повторные узаконения 1890 и 1892 гг. Когда школы были поставлены под наблюдение дирекции и инспекторов и те начали по-своему осуществлять введение русского языка, сопротивление части пасторов и колонистов сомкнулось. Причем, речь должна идти не о всем духовенстве, а о тех кон-

кретных представителей, которые заняли консервативную позицию против любого светского вмешательства в дела школы. Прогрессивная часть духовенства (в первую очередь, лютеранская), вышедшая из колоний, получившая образование в Дерптском университете, или католики в католической семинарии Саратова - стремились к просвещению народа, расширению программ обучения. Это дало свои результаты. Немецкие колонии заметно отличались в уровне грамотности на родном языке от русского населения. Это зафиксировала перепись 1897 г. и школьная перепись 1911 г.

Включение в 1881 г. начальных немецких школ и центральных училищ в систему Министерства народного просвещения также не повлекло за собой явной русификации. И даже введение в 1897 г. положения о преподавании на русском языке в национальной немецкой школе всех предметов, кроме немецкого языка и закона Божьего, не может, по нашему мнению, рассматриваться как русификация немецкого населения, поскольку объективные процессы вхождения немецких колоний в общий экономический и культурный российский фон начиная с середины XIX века настоятельно требовали изучения русского языка.

Языково-культурная интеграция проводилась в жизнь с разной степенью интенсивности. Применительно к немецким колонистам можно утверждать, что они испытывали ослабленное воздействие языково-культурной интеграции. Из факторов, которые смягчали процесс, мы выделяем следующие:

1. Экономическое состояние немецких колоний Поволжья, которые не играли столь значительной роли в капитализации сельского хозяйства, по сравнению с колониями юга и, особенно, менонитскими колониями.

2. Лютеранская и католическая церковь, которая продолжала сохранять свои позиции в области образования и в целом в духовном влиянии на колонии Поволжья.

3. Лояльность колонистов по отношению к режиму, так как привилегии экономического и правового характера ставили колонистов в особое положение по отношению к крепостному русскому крестьянству. И даже реформы 70-х годов и нагнетаемые слухи о русификации школ привели не к национальному движению, а к исходу части колонистов за границу.

4. Внешнеполитический фактор. Он выразился в ухудшении отношений России и Германии в 1880-е годы. Русские националистические круги настаивали в этот период на устранении привилегий балтийских немцев. Интерес к волжским колонистам явно не просматривался. Лишь в конце XIX века поволжские немцы приобрели в Германии некоторую известность на основании сообщений о неурожае и голоде в Поволжье.

Таким образом, по отношению к немецким колонистам Волги можно говорить о политике "прагматической гибкости" со стороны государства. В то время как в западных областях были уничтожены целые учебные отрасли, в других регионах был установлен контроль школьных инспекторов и параллельно развивалась земская школа, конкурирующая с церковно-приходской.

Период с 1897 г. по 1905 г. можно рассматривать как попытку правительства включить немцев в экономическую и общественную жизнь через обучение в школе русскому языку. Правительство, как это видно из конкретных шагов (нет запрета на изучение родного языка, издается национальная печать, не запрещена городская и сельская немецкая культура, неправославная религия), не преду-

смаatrивало для немцев полной или частичной русификации, как это наблюдалось в случае с прибалтийскими немцами или поляками. Применительно к немецким колонистам можно утверждать, что они испытывали ослабленное воздействие языково-культурной интеграции.

Протест против ограничения родного языка в учебном процессе и методов введения русского языка обозначился в 1905 г. Однако, он воспринимался как отторжение всего русского, стремление к национальной замкнутости и таким образом интерпретировался в печати. Недоверие усилилось в период I мировой войны и приняло форму прямого запрещения всех национальных немецких проявлений (употребление родного языка, закрытие школ, печатных изданий, организаций). Немцы Поволжья стали заложниками политической ситуации.

После революции в колониях начались процессы национального самоутверждения. Организация автономии на советских началах гарантировала свободное развитие наций в ее составе. Первые декреты Советской власти перевели школу под руководство и контроль государства, от лица которого выступала партия. Интеллигенция во многом разделила участь бывших правящих классов. Старый слой учительства не принял революции и экспериментов большевиков. Молодые учителя разделяли большевистские установки и возглавили многие участки работы - руководство области, а затем республики формировалось в основном, из рядов учителей.

Тотальный контроль над духовной жизнью всего народа привел к тому, что автономная республика участвовала во всех экспериментах Советской власти как в области экономики, так и в области культуры и образования. Школа вместе со всей страной оказалась вовлеченной в горнило революционных потрясений и последующего социалистического эксперимента. Она вписывалась в общую концепцию образования советского государства, находилась под опекой государственных и партийных органов и была проводником коммунистической идеологии. Это в первую очередь касалось обучения студентов и подготовки интеллигенции, которая отбиралась в вузы по классовому признаку и охотно впитывала марксистскую идеологию. Параллельно шел процесс выковки нового поколения через изъятие религии и включение в процесс преподавания идеологических установок коммунистической партии.

Школа в республике немцев Поволжья прошла все этапы экспериментов вместе со страной. Она занималась общественно-политической работой - устраивала революционные праздники, участвовала в политических кампаниях, боролась с религией.

Одновременно в национальных школах, особенно в национально оформленных территориальных образованиях, шла работа по поиску тех путей и методов, которые могли бы сделать ее действительным источником знаний, передачи традиций и духовного опыта собственного народа. В случае с немецкой школой в первую очередь это были учителя старой формации, которые продолжали видеть свое место вне политики и много сделали для организации образования на родном языке. Учителя пытались организовать учебный процесс сообразно требованиям времени. Существенное значение имела и социокультурная готовность населения к таким нововведениям, его реальные духовные и материальные способности, потребности и возможности. А новым формам работы в школе крестьяне давали нелестные оценки, придерживаясь традициона-

листской позиции. Психологически легче и быстрее разрушаются экономические, социальные связи, и дольше всех держатся связи духовные.

Спецификой духовной жизни немцев Поволжья было сильное влияние церкви. Это сознавало партийное руководство и после отделения церкви от школы пыталось заполнить образовавшийся вакуум различными политическими кампаниями и мероприятиями, которые не способствовали сохранению духовных ценностей народа, а воспитывали новое поколение в русле идеологических установок партии. Формы антирелигиозной работы носили грубый, оскорбительный характер для верующих и духовенства, что настраивало трудящихся против советской власти и учителей, которые обязывались проводить ее в школах. Религия ушла в семью, которая еще крепко держалась за традиционные связи и воспроизводила их также на уровне семьи.

Практика индустриального развития диктовала воспроизводство сознательных и умелых строителей социализма. На это была направлена идея единой политехнической школы, призванной обеспечить преемственность между всеми звеньями советской трудовой школы. Осуществлять революцию в духовной сфере в этом направлении должно было учительство нового поколения, прошедшее через горнило чисток и доказавшее лояльность по отношению к новой власти.

Постоянная критика дореволюционной системы обучения как системы, направленной на связь науки с религией, не принесла положительных результатов. Подготовка педагогических кадров в республике осуществлялась на основе классового принципа отбора студентов, внедрение в учебные планы и программы идей классовой борьбы. Догматизация преподавания, приверженность административно-педагогическим методам негативно влияла на сохранение национальной специфики школы.

По сравнению с дореволюционным периодом, немецкая школа, которая сложилась к 30-м годам, способствовала сохранению родного языка и обучению на основе билингвизма. Именно язык являлся главным элементом национальной идентичности немецкого этноса. Одновременно в результате кампаний по борьбе с буржуазным национализмом и национальной спецификой, изгнанием религии из школы шло разрушение связующих нитей этноса, уничтожалась народная культура, унифицировалась немецкая национальная школа.

Противоречивость периода 1928-1941 гг. для немецкой школы Поволжья состояла в том, что, с одной стороны, культурная политика в области образования дала позитивные результаты. Это выразилось в повышении уровня образования населения, росте числа школ (начальных, неполных средних, средних), организации сети средних педагогических заведений и педагогического института, а также росте профессионального образования, культурно-просветительских учреждений, развитии литературы и искусства.

С другой стороны, одновременно осуществлялся тотальный контроль над духовной жизнью всего народа, были репрессированы многие работники образования, науки и культуры. Борьба за власть привела к тому, что чисто носители национальной духовной культуры быстро сокращались, замена же шла из числа беднейших слоев населения, пришедших во власть через политический протекционизм. Таким образом модернизационные возможности немецкого этноса, во многом обусловленные традиционно высоким уровнем образования,

идущим от религиозно-этических установок, не были использованы с большей пользой для государства и для самой национально-территориальной автономии немцев на Волге.

Список работ, опубликованных по теме диссертации.

1. Школа в немецких колониях Поволжья. 1764-1917 гг. Монография. Волгоград. Изд-во ВолГУ. 1998 - 13 п.л.
2. Немцы в России: история и судьба. Волгоград, 1994. 5 п.л.
3. Развитие образования и культуры в республике немцев Поволжья. Тезисы доклада VII науч. конф. - Волгоград, 1990. С.21.
4. Из истории республики немцев Поволжья. Тезисы доклада на конф. "История Советской России; новые идеи". Вып.II. Тюмень, 1991. С.26-28.
5. Трагедия республики немцев Поволжья. В сб. "Вопросы краеведения". Вып. I. Волгоград, 1991. С.176-180.
6. Культурные традиции немцев Поволжья и их развитие в 20-30 г. XX в. - Рукопись депон. в ИНИОН АН СССР "Новая отеч. лит-ра. по общ. наукам. 1992, №11. 1,0п.л.
7. Депортация российских немцев; причины и последствия. Тезисы доклада на Российск. науч. конф. "Репрессированные народы: история и судьба". Элиста, 1992. 0,2 п.л.
8. Судьба немецкой интеллигенции в России после депортации. Сб. тезисов докладов на науч. конф. "Репрессированные народы" Элиста, 1993. 0,2 п.л.
9. Развитие образования и культуры в немецком Поволжье. В сб. "Немцы Сибири: история и культура". Омск, 1993. С.30-36.
10. "Трудовые колонны" российских немцев в годы Великой Отечественной войны. "Вопросы краеведения". Материалы краевед. чтений. Вып.2. Волгоград, 1993. С.99-102.
11. Российское законодательство о немецких колониях в России. В сб. "Российская государственность" - Волгоград, 1993. С.83-88.
12. Немцы и русские в зеркале социологического исследования. В сб. "Культура русских и немцев в Поволжском регионе", Саратов, 1993. С.190-196.
13. Депортация российских немцев в 1941 г. Проблемы отечественной истории. Материалы науч. конф. Волгоград. 1994. С.128-135.
14. Из истории создания Немецкого краеведческого музея в Поволжье. Вопросы краеведения. Материалы краевед. чтений. Волгоград, 1994. С.22-24.
15. Государственная политика в области национального образования и культуры в Немецком Поволжье в 20-30-е гг. XX в. Материалы науч. конф. Волгоград, 1994. С.157-161.
16. Немецкая национальная школа в Поволжье в 20-30 гг. XX в. "Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Москва". Материалы российско-германской науч. конф. 22-26 сент. 1994 г. М., 1995. С.329-336.
17. Участие российских немцев в трудармии в годы Великой Отечественной войны. Немцы Сибири: история и современность. Материалы междунар. научно-практ. конф. Омск, 1995. С.33-36.
18. Национальное движение немцев Поволжья в 1917 г. В сб. "История и культура российских немцев". Вып. 3. Часть I. Саратов, 1996. С.75-82.
19. Российские немцы в трудармии. В сб. "Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма". Российско-германская конференция историков в Волгогра-

- де. Май 1995 г." М., 1997. С.56-63.
20. Роль земства в развитии народного образования в немецких колониях Камышинского уезда. В сб. "Старая Сарепта и народы Поволжья в истории России. Волгоград, 1997. С.31-36.
 21. Фонды волостных и сельских правлений как массовый источник по истории народного образования немцев Поволжья (1870-1918 гг.). В сб. "Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы междунар. науч. конф. 4-9 сент. 1996 г. М., 1997. С.191-199.
 22. Культурные связи Немецкой автономии с Германией (1918-1933 гг.). Вестник ВолГУ. Волгоград, 1997. 0,7 п.л.
 23. Das Kamysiner Kreis-Zemstvo und die deutschen Schulen. 1864-1917. Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. Essen. 7/1997. Essen. S.88-107.
 24. Организация и печать поволжских немцев в эмиграции. 1918-1933 гг. В сб. "Миграционные процессы среди российских немцев". Материалы междунар. науч. конф., сентябрь 1997 г. М., 1998. С.241-251.
 25. Культурные связи республики немцев в Поволжье с Германией. "Веймар-Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия". Материалы Российско-германской конференции историков в Челябинске (сентябрь 1996 г.). М., 1998. С.72-75.
 26. Germans in Russia. Institute for East West Studies (IEWS) Russian Regional Report. Vol.3. №34. 1998. 0,5 п.л.
 27. Антирелигиозная политика Советского государства и немецкая национальная школа. 1917-1938 гг. В сб.: Германия и Россия: события, образы, люди. Вып.2. Воронеж, 1998. 1 п.л.
 28. Экономические и этнокультурные особенности жизни немецких колоний на Волге в XIX - начале XX веков. В сб.: Геополитические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Нижнего Поволжья в XVIII-XX веках. Волгоград, изд-во ВолГУ. 1998. С.93-108.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Тираж 400 экз. Заказ 117.

Издательский центр Саратовского университета.
410600, Саратов, Радищева, 41.

4313 x/92